

Алла Эрра

Сила госпожи
Бесовой

НЕВСКИЕ СТРАЖНИЦЫ

Алла Эрра

Сила госпожи Бесовой

<https://litres.ru/74136243>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спортсменка, комсомолка и просто красавица! Ну Комсомол я не застала, красавицей назвать можно, но с оговорками. А вот спортсменка - это да! Всю жизнь отдала профессиональной игре в волейбол. Жаль только, что спортивная карьера оказалась недолгой, как и жизнь в 21 веке. В самых абсурдных фантазиях представить не могла, что поездка в Карелию обернётся переносом в 1883 год!

Теперь я - Бесова Ирина Петровна. Охотница на всяких нехороших потусторонних личностей. А их в Петербурге, оказывается, немало по тёмным подворотням прячется. Роптать на судьбу не в моих правилах. Так что привыкаю к новому старому времени, исполняю свой долг демоноборца и обустраиваю личную жизнь. Ну а так как боевого характера и силы воли мне не занимать, то уверена, что справлюсь с любыми трудностями и доведу дело до ХЭ!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	57
Глава 8	66
Глава 9	75
Глава 10	84
Глава 11	93
Глава 12	102
Глава 13	111
Глава 14	120
Глава 15	129
Глава 16	138
Глава 17	147
Глава 18	156
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Сила госпожи Бесовой

Глава 1

Я шла по каналу Грибоедова и ела шаверму. Уже вторую за последний час. Все удивляется, как в меня столько влезает, но когда я нервничаю, то всегда страдаю сильным аппетитом. Или не страдаю, а наслаждаюсь? Ну тут с какой стороны посмотреть. Главное, что на моей фигуре это никак не отражается. Таких, как я, называют ведьмами, так как жрём и не толстеем. И у меня действительно среди своих прозвище Ведьма. Но не только из-за хорошего метаболизма. Ещё потому что рыжая и росточка немаленького: по последним измерениям сто восемьдесят два сантиметра ягодка уродилась.

Но главное — это мои глаза, в которые не все могут нормально смотреть. Дело в том, что есть такое генетическое отклонение — гетерохромия. При нём радужки глаз имеют разный цвет. Поэтому я смотрю на мир зелёным левым глазом и карим правым. Правда, некоторых мужиков это прямо с ума сводит. Жаль только, что в основном «клеятся» всякие пузатые коротышки, запавшие на высокую, спортивную бабёнку, или извращенцы, которым просто необходима в «постельную коллекцию» своеобразная мадам с разноцветными глазюками. И тех и других посылаю лесом.

Был один с виду нормальный парень, тоже волейболист, как и я, но не срослось. Впрочем, и с волейболом облом тоже. Сегодня я поставила крест на спорте. Вернее, на порванных «крестах». Почти год ушёл на восстановление после этой страшной для любого спортсмена травмы, но вердикт врачей оказался неутешительным. Так мне и сказал профессор в белом халате:

— Ирина Петровна. Вы можете попытаться вернуть в большой спорт, но ненадолго. Обещаю вам, что через полгода мы встретимся, пытаясь вылечить ваш рецидив. Поэтому задумайтесь лучше не о медалях, а о более спокойной жизни, в которой ваша нога не пострадает. В двадцать три года жизнь только начинается. Не делайте себя инвалидом к тридцати годам.

Я попыталась брыкаться и вернулась в клуб. Первые же тренировки показали, что травмированное колено не выдерживает нагрузок. Был тяжёлый разговор с тренером. В результате мне оставили мой контракт, заканчивающийся через пару месяцев, но подписывать новый не будут. Ехать в другие города в поисках нового клуба тоже смысла нет. В полную глушь забираться не хочется, а в более или менее приличных местах и своих, здоровых претенденток хватает.

Так что Куравлёва Ирина сегодня прощается со спортом окончательно! Это знаменательное событие и отмечает двойной шавермой, а также прогулкой по центру Петербурга. Одна... Видеть никого не хочется.

Проходя мимо Спаса на Крови, слышала до боли заученный бубнёж экскурсовода, распинаящегося перед толпой ротозеев с фотоаппаратами.

— ...на этом месте первого марта тысяча восемьсот восемьдесят первого года террористами «народовольцами» было совершено покушение на императора Александра Второго. От полученных при взрыве ран он скончался. По приказу его сына Александра Третьего и был заложен храм...

Да блин! Я здесь прохожу почти каждый день, возвращаясь в свою комнатку в коммуналке, и текст почти один и тот же, пусть и с небольшими вариациями. Как только бедным экскурсоводам не надоедает? Я бы повесилась. Да кому какое сейчас дело, кто и за что был убит более двух столетий назад! Храм красивый — это главное.

Тогда я не знала, что прохожу мимо места, давшего толчок к череде событий, изменивших мою дальнейшую жизнь. Причём изменивших так, что впору за голову хвататься и самой в дурдом бежать.

1883 год. Гатчина. Резиденция Александра III

Обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев, привычно одёрнув свой китель, зашёл в кабинет императора. Александр Третий встретил его приветливо, что вызвало облегчение у политика, знающего не понаслышке о не самом простом характере государя.

— Осмелюсь доложить, Ваше Император...

— Доложите, — благодушно перебил Александр. — Присаживайтесь, Константин Петрович. Разговор, как я понимаю, у нас намечается долгим, а в ногах правды нет. Что нового по нашему делу?

— Все факты проверены и перепроверены. Сомнений не остаётся. На вашего отца напали люди, одержимые бесами или кой-то иной нечистью. Изначально члены организации «Народ и воля» не планировали покушения, но попав в лапы дьявольских сил, всё же решились на подобное злодейство.

— Это я и без вас знаю. Больше интересует, какие меры вы предприняли, чтобы подобная пакость по столице больше не распозалась... Ну и по другим городам тоже. Что предприняла для этого ваша хвалёная «Священная дружина»? Уж больно много казённых денег мы тратим на её тайное содержание, но по слухам в Санкт-Петербурге становится всё больше и больше необъяснимых явлений.

— Так, — попытался оправдаться Победоносцев, — и место Пётр Великий выбрал для столицы не самое простое. Тут и языческие захоронения раньше были, и болота, хранящие в себе...

— Я знаю, на чьих костях стоит град Петров! — резко потерял терпение император. — И что теперь? С землёй его сравнять, раз вы справиться не можете?

— Никак нет, Ваше Величество. Никак уничтожать нельзя. Но с прискорбием могу констатировать тот факт, что «Священная дружина» непригодна для борьбы с бесовски-

ми проявлениями. Почти все, тайно собранные по стране и привлечённые к работе чудодейственные старцы, медиумы и прочие, говорящие с духами, оказались либо невменяемыми дураками, либо первостатейными прохиндеями.

— Одних лечить, а других на каторгу! — прозвучал суровый приговор Александра. — Вас самого куда? К первым или вторым?

— Куда определите, туда со всем смирением и направлюсь, — вздохнул обер-прокурор. — Но осмелюсь доложить, что всё же и зёрна в этих плевелах обнаружить удалось. Без малого тридцать человек имеют в себе таланты. Слабенькие, правда. Если же приплюсовать к ним...

— Церковь не трогаем. У неё свой пост, а у нас — свой.

— Как скажете, Ваше Величество. Я же считаю, что «Священную дружину» необходимо расформировать, оставив лишь небольшой тайный полицейских отряд. И... Я имел сложнейший разговор с Митрополитом. Специально для этого в Москву ездил. Только вчера вечером вернулся. По всем статья получается, не будет сильных способностей у тех, кто родился и живёт сейчас. Они проявляются, конечно, но не в полной мере. Вот так бывает.

— Да что вы мнётесь, как красна девица! Константин Петрович! Раз уж откровенно говорим, то не держите камень за пазухой.

— Можно набрать необходимые кадры! — собравшись с духом, выпалил Победоносцев. — По роду своей деятельности

я знаю о многих тайнах, которые светскому обществу знать не положено. В карельских лесах имеется несколько странных мест, объединённых в общее Место Силы. Оно соединяет прошлое, настоящее и будущее. И если на время оживить языческое Место Силы, то мы сможем из других времён привлечь души тех, кто справится с нечистью во всех её проявлениях.

— Интересно... — задумался Александр. — Прямо из прошлого чудо-богатырей вызовем? Илью Муромца да Добрыню Никитича?

— Проще Митрополит категорически запретил трогать. По его мнению, нельзя людей, когда-то грехов набравших, снова оживать. Бог дал, Бог взял. Обратно только Сатана из Преисподней всякую нечисть возвращает. Нужно смотреть в будущее. На души, которые в нашем времени нагрешить не успели. Именно такие лучше всех будут чувствовать дьявольские козни.

— И кто же к нам придёт? Сколько воинов? И как они найдут дорогу к вашему Месту Силы?

— Того никто не ведает. Но встретим, приветим и к службе подготовим. Монастыри примут избранных. А как найдут дорогу? Героев путь сам отыщет. Остаётся лишь довериться ему.

— Чудно... Обещаете, что это будут не очередные самозванцы, а хорошие бойцы, чующие нечисть?

— Ваше Величество. Пока в деле не увидим, не узнаем.

Но по мне: такой шанс упускать не стоит. Вы не представляете, насколько Митрополит был раздражён тем фактом, что я предложил на время оживить древнее место, что было ещё до волхвов-многобожников. Лучше поторопиться с решением, государь. А то ведь Митрополит и передумать может.

— Действуйте, Константин Петрович! — словно шашкой рубанул ладонью воздух Александр. — И смотрите! На этот раз не подведите меня!

Уже через неделю в глухих карельских лесах ночью при полной луне группа монахов ходила по мягкому мху, ковром покрывающим старые гранитные плиты с выбитыми богопротивными фигурками.

Неистово крестясь, служители Господа в одних только им понятных местах втыкали в землю странные, почти истлевшие от времени дубовые колья с нанесёнными рунами давно ушедшей цивилизации. Ох и святотатство, пользоваться реликвиями забытой веры! Но против сил Преисподней любые средства хороши... И милостивый Господь простит это преступление своим верным сынам.

Глава 2

Не успела я зайти за Спас на Крови, как звонок мобильного заставил остановиться.

— Ирка! Атас и ахтунг! — затараторила в динамике моя подруга Настёна.

Неугомонная она особа, одновременно успевающая работать и журналистом, и в модельном агентстве. Меня в него тоже звала, но не очень люблю на подиуме жопой крутить. Да и нравы там ещё те, а я бабушкой воспитана была.

— Короче, я с Лёшкой на Кипр лечу! Или на Бали? Не помню! — продолжала вещать Настя. — Но если этот гад наконец-то не сделает мне предложение с большим бриллиантом на пальчике, то будет летать исключительно один, ну или с другими дурочками! Желательно старыми, страшными и очень желательно, чтобы в Магадан!

— Рада за тебя, — с улыбкой ответила я, так как серьёзно с Настей общаться просто невозможно.

— Подожди радоваться! Хотя, конечно, начинай постепенно. Но и слушать не забывай! Дело в том, что у меня завтра от редакции намечается командировка в Петрозаводск. Оттуда я должна поехать посмотреть какие-то то ли пертаглифы, то ли питбургеры... Замри на секунду! Сейчас уточню! А! Петроглифы! Древние картинки на камнях! Ну и после статейку накатать обязана. С ней легко справлюсь, «скопи-

писдиф» похожую из интернета и изменив её нейронкой. Но фоты этих... Опять забыла... Петроглифов нужно сделать. Иначе если наш редактор увидит, что чужие снимки взяла, то сожрёт меня заживо. Сейчас с этим строго. Сделаешь?

— Подожди, — взмолилась я. — А ты что? Отдыхать неофициально летишь?

— Конечно! Кто ж меня отпустит? Я же в позапрошлом месяце в Сочи моталась! Считаю, что в «самоволке» нахожусь. Веришь, ни за что бы не стала филонить поездку в Карелию, но тут предложение руки и сердца светит. Нельзя от такого отказываться!

Ты только не дёргайся! Всё на мази! Бюджет у нашего информационного портала небольшой, поэтому куплена путёвка на автобус. В составе тургруппы отправляешься. Гостиница в Петрозаводске тоже оплачена. Погуляешь денёк по городу, посмотришь на достопримечательности, а потом вас к этим петро... К картинкам отвезут. У тебя на смартфоне камера норм или фотик подкинуть?

— Нормальная у меня камера. Но...

— Шикарно, Ирочка! Спасибо тебе от земли и до самого неба! С меня презент с Бали или Кипра. Ну и, конечно, приглашение на свадьбу, если Лёха не затупит и не забудет сделать предложение. Всё! Чмоксики! Вечером забегу и путёвку с «суточными» подкину.

— Какими суточными?

— А ты думала, что за свой счёт развлекаться будешь?

Выдохни! Суточные намного лучше месячных! Их же редакция оплачивает! Только чеки для отчёта сохрани! Всё! Пока! У меня вторая линия!

Держа в одной руке недоеденную шаверму, а в другой — смартфон, я задумчиво смотрела на купола Спаса, не зная, то ли ржать в полный голос, то ли материться. Решила, что в таком месте не буду делать ни того ни другого. Да и поездка эта кстати придётся. Хоть развеюсь от грустных мыслей. Тем более, не за свой счёт. Денег ведь давно «кот наплакал», а тут халявное приключение.

Уже на следующий день я в комфортабельном автобусе катила по Мурманской трассе в сторону Петрозаводска. Гостиница в городе оказалась на «троечку», но я и такой была рада. Люблю новые места и эмоции! Как и было обещано, после ознакомления с городом нашу туристическую группу отвезли к этим самым трудно запоминающимся Настей петроглифам.

Выйдя из автобуса, я машинально потёрла разнывшееся от долгого сидения травмированное колено и осмотрелась по сторонам. Ничего примечательного. Глухомань. Но как только взойшла на мостик, перекинутый то ли через широкий ручей, то ли узкую речушку, то замерла от какого-то непонятного чувства. Глядела на множество пирамидок, сложенных из камней, и отчего-то сердце начало биться и тревожно, и одновременно радостно.

Пройдя по небольшой лесной дороге примерно с кило-

метр, увидела избушку. Сразу повеяло сказкой, несмотря на то, что домик оказался простым ларьком с сувенирами. Их я тоже прикупила, так как мой холодильник любит всякие магнетики.

Но вся эта сувенирная продукция сразу же забылась, когда я очутилась на большой лесной поляне, сплошь покрытую природными каменными плитами. Ничего интересного в самих петроглифах не нашла, хотя примерно-отвественной подругой и запечатлела их для Настёны. Прimitивные рисунки, похожие на детские. К тому же их частенько почти не разглядеть, если не смочить водой. Озеро, расположившееся рядом с поляной, смотрелось намного живописнее.

Но чем больше я находилась там, чем больше бродила по этим камням, помнящих инструменты первобытных художников, тем сильнее во мне просыпалось некое чувство чего-то большого, неизведанного. Хотелось стать частью этого сказочного места. Его энергия проходила через меня, заряжая непонятной силой! Судя по лицам разбрёдшихся туристов, не я одна испытывала подобные эмоции. Наваждение какое-то!

Внезапно весь этот прекрасный пейзаж стал растворяться. Резко потемнело. Я задрала голову и посмотрело на небо. Звёзды! Откуда они днём?! Звёзды кружились в странном хороводе, образуя воронку, в которую стало затягивать меня. Закончилось светопреставление так же резко, как и началось.

Уф... Реально колдовское место! Немного придя в себя, осмотрелась по сторонам и замерла, поражённая открывшейся несуразицей. Вроде бы место похожее. Только все каменные плиты покрыты мхом. Нет ни людей, ни мостков, по которым передвигались туристы. Даже избушка куда-то подевалась. Да и лес... Явно не обжитой. Словно здесь никогда не ступала нога человека.

Поёжившись от прохладного ветерка, стала раздумывать: звать ли на помощь или повременить. Решила повременить и во всём разобраться сама. Решила и... Заорала! Да я же абсолютно голая! Нет ни одежды, ни сумочки, ни даже смартфона, который в последние полчаса практически не выпускала из рук! Обокрали или с ума сошла?!

— Люди! Помогите!

— Чего горло дерёшь? — раздался за спиной суровый голос, заставивший меня резко умолкнуть.

Развернувшись, увидела перед собой настоящего попа: в рясе, с большой седой бородой и огромным серебряным крестом на пузе.

— Держи, — стараясь не смотреть на мои прелести, протянул он бесформенную накидку. — Срам прикрой.

— Спасибо. А вы кто, и... Где мы? — кутаясь в колючую накидку, поинтересовалась я.

— Отец Власий. Можешь звать старец Власий. А ты там, где тебе Господь место отрядил.

— Не поняла.

— Всё узнаешь. Пойдём.

— Куда? В участок?

— Увидишь. Пути Его неисповедимы.

— Не пойду! — воспротивилась я предложению этого странного священника. — Не трогайте меня! Иначе снова кричать стану! Лю-ю-ю-юди-и-и!!!

И люди появились. Из леса вышло ещё несколько крепких мужиков в рясах. Причём смотрели они отнюдь не доброжелательно. Решив, что попала в лапы какой-то секты, я начала действовать. Одного хорошо поставленного удара волейболистки хватило, чтобы псевдопоп кулём осел на землю. Не мешкая, рванула в сторону спасительного леса.

Петляла по нему долго. Наконец, решила остановиться и попытаться сориентироваться на местности. И тут же сзади что-то прилетело мне по темечку. Убить не убило, но сознание поплыло. Моментально из кустов выскочили знакомые мужики в рясах и лихо спеленали меня широкими лентами. Не прошло, и пяти минут как приковывал поп. Хорошо я приложилась! Главный сектант окривел на один глаз. Долго гематома сходить будет.

— Лютая попалась, — то ли враждебно, то ли с лёгким уважением в голосе, проговорил он. — И рука крепкая, и хорошо подготовленных иноков заставила попотеть, по лесу бегая.

— Меня будут искать! Немедленно развяжите! Иначе на пожизненное в тюрьму отправитесь! — уже с помощью угроз

и уговоров не оставляла я попыток освободиться из плена. — Давайте так! Я вас не видела, а вы меня! Тихо-мирно разойдёмся, не привлекая к нашему делу полицию. Обещаю заяву не писать.

— Пей, — словно не услышав моё деловое предложение, протянул седобородый флягу.

— Нет.

— Всё равно же волюю. Не гневи бога, не дай совершать над тобою насилие.

— Какое насилие! — окончательно запаниковала я, услышав, что групповухи, кажется, мне не избежать. — Учтите, я больная! У меня СПИД, сифилис и герпес! И ковидная ещё! Сейчас чихать начну! Посторонись, а то заражу!

— Блаженная она какая-то, отче, — с сочувствием в голосе проговорил один из «монахов». — Может, для начала святой водицей её окропить?

— Не надо. Пей! — снова протянул мне флягу старик.

Делать нечего. Вздохнув, я зажмурилась и сделала несколько глотков. А неплохое у них на вкус зелье. Отдаёт мятой и, кажется, слегка валерианой. Сразу стало так легко на душе. Ушли куда-то страх и офигевание от происходящего. Даже лица насупленных сектантов стали казаться милыми.

Я улыбнулась им и уснула. Снилось мне Настёна, гуляющая со своим любимым Лёхой по морскому побережью. И на пальце у подруги сверкало кольцо с большим голубоватым

бриллиантом...

Пробуждение вышло странным. Во-первых, я не сразу сообразила, что нахожусь не в собственной кровати. Во-вторых, потом сообразила и вспомнила странные приключения, случившиеся со мной... Когда? И вообще-то, где я нахожусь? Очень похоже на монашескую келью. Я в кино такие видела.

Живот моментально скрутило от голода. Словно я несколько дней ничего не ела. Но больше всего мучила жажда. Тяжело поднявшись с топчана, осмотрелась и увидела маленький столик, на котором стояла крынка и деревянная тарелка с кашей. Ложка прилагалась тоже деревянная.

Сама не заметила, как очутилась около еды. Сожрала и выпила всё за пару минут и, довольная, откинулась на спинку неказистого стульчика. Немного отдышавшись, решила всё-таки сменить «костюм Евы» на ту одежду, что кто-то заботливый оставил сложенной на табурете. Явно для меня приготовлено.

Но прежде чем одеться, подошла к мутному, выдавшему виды зеркалу. Подошла и обомлела. Без сомнения, это я. НО! С правой руки исчезла большая цветная татуировка! Маленький шрамик на подбородке тоже куда-то подевался. Несколько окрашенных локонов стали естественного рыжего цвета. Что за чертовщина?

И главное! Я почувствовала, что моё многострадальное колено двигается, словно вчера на свет родилось! Улыбну-

лась, потом широко открыла рот. Все зубы на месте, хотя полгода назад мне удалили «восьмёрку». Да и на переднем резце нет небольшого скола, полученного на тренировке, после случайной встречи с локтем одной из девчонок.

Стала внимательно осматривать себя дальше, всё больше и больше убеждаясь в том, что моё тело девственно-чистое. Ни следов от пирсинга, ни пломб, ни каких-либо повреждений на коже, в обязательном порядке имеющихся у каждого профессионального спортсмена.

Ошарашенная такой «народной медициной», я надела платье. Точнее, сначала нательную длинную рубашу, а потом этот прикид из тёмной шерстяной ткани. Повязала на голову серый платок. Мда... Высокой модой здесь и не пахнет.

— Пришла в себя? — спросил вошедший без стука седобородый поп.

— Нет. И не собираюсь. — огрызнулась я. — Как же вам не стыдно! Пожилой человек, а таким занимаетесь!

— Ну чем я занимаюсь — это мы ещё обговорим, сударыня. Да и чем вы будете — тоже. Следуйте за мной. Нас ожидает один очень важный человек. Из самого Петербурга по вашу душу приехал. И прошу вести себя с ним прилично, а не как при первой нашей встрече.

— Что? Уже не болит глазик? — злорадно спросила я.

— Душа болит, глядя на всё это непотребство, — с грустью в голосе ответил поп. — Но что поделать, если оно так обернулось... Прошу на выход, барышня.

Глава 3

Шла к месту встречи с таинственным незнакомцем в окружении всё тех же парней в рясах. У всех бородки, но видно, что не старики. Хотя и на хипстеров тоже непохожи — уж больно суровые. И судя по бычьим шеям, достаточно спортивные. Таким самое место среди телохранителей какого-нибудь олигарха, чем в конвое почти безобидной девушки. Хотя для породистых бодигардов росточком не вышли. Самый высокий на полголовы ниже меня.

И не оставалось никаких сомнений, что я в монастыре. Судя по всему, очень старому. Даже мне, далёкой от истории, это понятно. Сразу вопросы в голове возникать стали о моём месте в этом закрытом обществе. Причём достаточно пикантные вопросы. Ведь монастыри бывают либо женскими, либо мужскими. Про смешанные я что-то не слышала. Или у этих сектантов и такие есть?

Наконец мы добрались до большой дубовой двери, обитой железом. Мне с моими ста восьмидесятью сантиметрами пришлось довольно низко наклониться, чтобы войти в помещение. Комната не произвела никакого впечатления. Ещё одна келья, приспособленная под кабинет.

А вот мужчина, сидящий за столом, заинтересовал. Немолодой господин с блёклым лицом и слегка оттопыренными ушами был немного несуразен. Встреть такого на улице и ре-

шишь, что это один из типичных представителей «офисного планктона». Но вот глаза выдавали человека, облечённого властью. Смотрит зараза мягко, только взгляд всё равно колючий. И умный к тому же.

При моём появлении мужчина встал, подошёл и, галантно склонив голову, произнёс.

— Разрешите представиться, сударыня. Обер-прокурор Святейшего синода и личный порученец Его Императорского Величества Александра Третьего. Действительный тайный советник Константин Петрович Победоносцев.

— Очень приятно, Константин Петрович, — едко ответила я. — Разрешите и мне представиться. Похищенная и незаконно удерживаемая Куравлёва Ирина Петровна. Кстати, на одинаковое с вами отчество внимания не обращайтесь. Очень надеюсь, что папа у нас не один.

— Понимаю, ваше состояние. — ничуть не смутился Победоносцев. — И даже в некоторой степени восхищаюсь вашим мужеством и непреклонным характером. Но смею надеяться, что скоро вы измените суждение о нас. По вашему мнению, в каком году мы сейчас находимся?

— Я в своём, нормальном. А где вы там летаете, даже представить боюсь. Судя по одежде и поступкам, застряли в средневековье.

— Не средневековье. Тысяча восемьсот восемьдесят третий год на дворе. От Рождества Христова, разумеется. Сейчас двадцать первое августа. Скоро осень, сударыня.

Ясно. Я попала в руки сумасшедших, возомнивших себя в прошлом. К такому школа жизни меня не готовила. И тренеры тоже. Что делать? Остаётся одно: подыгрывать и выжидать удобного момента для побега.

— А вы ведь мне не поверили, — отвлёк меня от сложных мыслей этот «тайный советник».- Примерно так начало нашего знакомства и я представлял. Сейчас мы с вами прокатимся в небольшой городишко, чтобы все сомнения в вашей голове развеялись. Извините, но прогулка будет под конвоем и в наручниках. Ну и карета с решёткой.

— Что за город? — моментально воспользовалась я случаем уточнить свою геолокацию.

— Его название вам знать не обязательно. Карета ждёт. Надеюсь на ваше благоразумие.

Ехали мы долго, около двух часов. Победоносцев тактично молчал, я тоже не стремилась начинать разговор первой, больше сосредоточившись на видах за окном. Одни раздолбанные дороги и дремучий лес. Ни одной встречной машины, да и намёка на асфальт нет. Несколько раз проезжали мимо деревушек, своеобразного вида: словно их построили задолго до революции и законсервировали в таком состоянии.

Наконец въехали в обещанный город. Сначала я решила, что это какая-то постановка. Потому что все люди выглядели статистами исторического фильма. Но и дома были им подстать! Ни одного пластикового окна в добротных дере-

венских избах и странных бараках. Проводов и спутниковых антенн тоже не наблюдалось. По улицам разгуливали гуси, куры и изредка свиньи с коровами. Какой это город? Деревня! Хотя и достаточно большая. Правда, пару раз встретились местные трёхэтажные «небоскрёбы» из камня.

Но чем больше мы колесили по этому захолустью, тем больше сомнений закрадывалось в мою душу. Вроде бы никогда здесь не была, только не покидало ощущение, что и была тоже. Причём совсем недавно. А уж когда увидела знакомое здание, представленное буквально позавчера экскурсоводом, как якобы одно из старейших в Петрозаводске, то сердечко ёкнуло основательно.

А что, если не врёт Победоносцев? Что, если это странное явление посреди петроглифов действительно перенесло меня в прошлое? Да и моё тело тоже ведь не могло стать в реале без старых травм и украшений на коже.

— Дом градоначальника, не помню какого? — показала я пальцем в окно. — Петрозаводск?

— Вы прозорливы, Ирина Петровна. Надеюсь, на этом ваши выводы не закончатся, — с благожелательной улыбкой кивнул мой спутник. — Больше нам здесь делать нечего. Предлагаю обсудить сложившуюся непростую обстановку на обратном пути.

— Поговорим, — кивнула я, мрачнее всё больше и больше.

— Итак, госпожа Куравлёва, начну с предыстории нашего

знакомства. — Его Величеством, императором Александром Третьим при моём участии была создана тайная организация, борющаяся с проявлениями различных тёмных сил. К сожалению, она оказалась очень неэффективна. Было принято решение возродить некую... скажем так, вещь, способную перенести из будущего людей, имеющих возможности противостоять непотребному вмешательству Сатаны в дела людей. Пока всё понятно?

— Аминь, — буркнула я. — Жду продолжения.

— Прекрасно. Выбор избранных от нас никак не зависел. Признаться, рассчитывали, что прибудут сильные духом и телом воины в мужском облиии. Но, к сожалению, появились вы... Ещё одна женщина.

— А уж я-то как сожалею. Раз вам не подхожу, то вернёте обратно?

— Это невозможно, Ирина Петровна. Выбор сделан и назад дороги нет, даже если мы оба этого хотим. А я ведь тоже хочу. Поверьте, мы готовились работать с мужчинами, а не с различного вида барышнями. Так что остаётся нам с вами одно — сотрудничать, ибо больше нет нашей власти изменить настоящее и будущее.

— Глупо всё. Господин Победоносцев, я ведь простая девушка, а не какая-то там Зена, королева воинов.

— Кто?

— Неважно. Помочь, говорю, ничем не смогу. Нет у меня чудесных способностей.

— Уверены в этом? Быть может, какие-то странности за собой замечали, но не придавали им большого значения? Для нас важно выяснить ваши возможности. Это даст нам направление для вашей правильной подготовки.

— Ну... — задумалась я. — Поддача у меня хорошая и под сеткой уверенно играю. Только вам такое без надобности. Что ещё? Козлов на раз-два вычисляю.

— Козлов? — удивился Победоносцев. — Они-то тут причём?

— Имею в виду козлов в человеческом облиии. Нехороших людей, «редисок». Ладно, приведу последний пример, а то вы, смотрю, совсем не догоняете... э-э-э... в замешательстве. Пришли мы как-то с подругой на... пусть будет бал. И вот там один кавалер объявился. С виду очень приличный и вежливый. Он начал ухаживать за моей подругой, но меня не покидало чувство чего-то мерзкого, опасного. Зверя, нечисти в человеческом облиии.

Подруга пошла носик попудрить, а этот за ней увязался. Я в тот момент с другим «гусаром гусарила» и неожиданно словно подключилась к мыслям подругиного ухажорчика. Он собирался её убивать. Причём жестоко и безо всякой причины. Исключительно ради удовольствия.

Кинулась я в туалет, а там эта сволочь Ленку... подругу мою у кабинки караулит. Сама не помню, как приложила его головой о раковину. Тут же охрана прибежала и выкинула меня с бала. А Ленка потом говорила, что у меня крышняк

поехал... что я разумом от шампанского повредилась и на людей ни с того ни с сего кидаюсь.

— Нож у мужчины нашли? Иное оружие? — серьёзно спросил Победоносцев.

— Никто и не искал. Потерпевший же. Хорошо, что хоть в полицию меня не сдали. Но я до сих пор уверена, что предотвратила убийство. Были ещё несколько случаев, правда, не таких ярких. А может, и навывдумывала себе всё. Ведь ни разу до кровавых дел не дошло — я устраивала бедлам раньше.

Ещё бывает, иду по улице и взгляд хищника ощущаю. Будто бы он сидит в засаде и жертву выбирает. Пройдёшь пару домов, чувство зверя пропадает. Но такое редко случается.

— А вы, Ирина Петровна, говорите, что у вас никаких способностей нет. Есть! — довольно проговорил мой собеседник. — Вы чувствуете одержимых. Допускаю, что и нелюдей во плоти тоже. К тому же силушкой вас бог не обделил. Свалить одним ударом старца Власия — это не каждый мужик с дубиной может.

— Да какая там сверхспособность! — отмахнулась я. — Просто постоянные тренировки и здоровое восьмиразовое питание! Ну и адреналинчик в крови о себе иногда даёт знать.

— Какое питание? — удивился Константин Петрович.

— Частое. Вот так мой организм устроен. Постоянно что-нибудь жую. И сейчас голодная, не просто как собака, а как стоящая собака. Вы же в поездке покормить меня не удосужились.

— Извините, — искренне покаялся Победоносцев. — В скором времени исправлю свою оплошность. Обещаю, что ни в чём нуждаться не будете.

Как только мы приехали в монастырь, сразу был накрыт стол. То ли пост у местных монахов, то ли всегда так питаются, но не было ничего мясного. Правда, мне и запечённых овощей с кашами хватило. А уж рыбные пельмени вообще показались шедевром мировой кулинарии. С магазинными не сравнить!

За ночь я почти окончательно уверилась в том, что переместилась далеко в прошлое. Можно, конечно, на пару часов задурить голову человеку, только такой правдоподобный «театр», что устроили мне, даже голливудские киношники со всеми спецэффектами не осият. Тем более, растянув представление почти на сутки.

Странно, но паники у меня это не вызвало. По-моему, лучше так, чем оказаться у отбитых на всю голову сектантов. Да и очень заинтересовали намечающиеся паранормальные дела, к которым меня хотя приставить. Уж всякую мистику я с детства люблю!

Глава 4

Весь следующий день я провела в компании всё того же Победоносцева. Уверившись, что моё сознание готово воспринимать информацию, он вывалил на меня все планы до дальнейшего сотрудничеству и кучу дополнительных подробностей к ним. Но главное было в том, что я теперь нахожусь на тайной государственной службе и под пристальным контролем самого императора Александра Третьего! Подумать только! Царь! Живой! Глядишь, и лично встретиться с ним придётся. Жаль, автографа взять не получится — тут, уверена, так не принято.

Но перед началом службы придётся пройти некие профессиональные курсы и заодно адаптироваться к реалиям «старинны глубокой». По мнению Константина Петровича, мои манеры, а также стиль разговора слишком контрастируют с принятыми в местном обществе. На всё обучение отводится примерно полгода. Потом мне выдадут бумагу, подтверждающую новую личность и подданство Российской Империи.

И начнётся настоящая служба в составе отряда «демоноборцев», в котором мне отводится роль розыскницы тварей в человеческом облики. Таких отрядов намереваются создать несколько, и каждый из них будет иметь свою специализацию, так сказать.

Потусторонние силы и их проявления слишком разнообраз-

разны, и даже мои способности не смогут уместить в себя всё. Поэтому и прибыли из нашего времени несколько человек с различными проявлениями Дара. С ними я обязательно познакомлюсь, так как интересы отрядов борьбы с нечистью иногда пересекаются.

Ладно там: оборотни, демоны или прочая фигня потусторонняя. Фильмы смотрела, так что заочное знакомство с ними имею. А вот как за такое короткое время можно стать своей среди этих «пардон» и «будьте любезны» через слово — не представляю. Но особого выбора мне не оставили. Государь требует начала скорейшей эффективной работы, а его слово — закон для подданных.

Победоносцев, уехал, оставив меня на попечение старца Власия. И да! Монастырь действительно оказался мужским! Изначально никто не предполагал, что прибудет не мужчина, а дама, поэтому накладочка со мной вышла знатная. Первое время прожила взаперти, без возможности выходить на прогулку, дабы не смущать монахов присутствием фемины в их монолитных рядах. Но в одну из ночей старец Власий приказал мне одеваться и вывез в какую-то глушь.

Новое место навевало уныние. Небольшая деревенька домов на десять да старая, потемневшая от времени деревянная церковь — вот и вся цивилизация. А так кругом одни леса да болотца. Единственное, что радовало: возможность гулять на свежем воздухе, а не безвылазно сидеть в каменном мешке. Такая относительная свобода объяснялась про-

сто: бежать некуда. Быстрее шею себе сверну, заблужусь или к хищникам на обед угожу, чем до людей доберусь.

Контингент деревенских был своеобразен. В основном он состоял из уже знакомых мне молодцов в рясах. Но было и несколько женщин. Причём две из них являлись явно не слушанками.

— Варвара Игнатьевна и Людмила Прокофьевна будут обучать этикету и прочим светским вещам, — объяснил мне Власий.

— А вы? — поинтересовалась я.

— Тому, Ирина Петровна, ради чего вас сюда и доставили. Место у нас непростое, и обыкновенному люду сюда хода нет. Так что готовьтесь к новым неожиданным впечатлениям. Часто очень неприятным, если не сказать больше — страшным.

Старец не обманул. Уже на следующее утро мы зашли в церковь. Но не для того, чтобы помолиться. Открыв потайную дверь, Власий заставил меня спуститься в подвал. Посреди обитой железом комнаты стояла клетка, в которой сидела миловидная, хрупкая женщина. Абсолютно обнажённая и судя по виду, очень несчастная.

— Это что за средневековые пытки?! — гневно обратилась я к старцу.

— Пытки говоришь? — вздохнул он, резко переходя на ты. — Ирина, поближе подойди. Почувствуй, если сможешь. Специально для тебя гадину привезли.

Я послушно приблизилась к клетке. Женщина посмотрела на меня полными боли глазами и прошептала.

— Не виновата я.

В моей груди поднялась волна ненависти к этим инквизиторам. Первым порывом было сбить замок с клетки и освободить пленницу. Но внезапно, встретившись взглядом с заключённой, я словно провалилась в зловонную яму. Невинная овечка это! Убийца! Причём весьма изощрённая!

Пришли образы нескольких загубленных беременных женщин, которых эта тварь отпаивала, а потом творила с ними настолько страшные вещи, что меня чуть не вывернуло наизнанку. И всё это исключительно ради удовольствия. Пленница кайфовала от мести, озлобившись на весь мир за то, что сама была бесплодной.

Я отшатнулась от клетки, чувствуя, как отливает кровь от моего лица и начинается дрожь во всём теле.

— Сука! — оскалившись, выплюнула пленённая баба. — Ничего! Обрюхатишься, и придёт твоё время подышать!

— Ну что? Смотрю, прочувствовала? — выведя меня из подземелья на свежий воздух, угрюмо спросил Власий.

— В полной мере... — сглотнув подступивший комок к горлу, ответила я. — Мразь какая...

— Это одна из тех, кого тебе, дочь моя, искать придётся. Перепёлкина Агафья была нормальной бабой, да всякими ритуалами погаными стала увлекаться. Через них в душу тьма и прокралась.

— Бес вселился?

— Нет. С бесоватыми ещё познакомишься. С ними, кстати, намного проще. Иногда беса и выгнать можно, если он душу не до конца поработил. А Агафья полностью человек, хотя и трудно её так называть после всего содеянного. Она наслаждается присутствием смерти рядом с собой.

— Маньячка!

— Подобных ей называют по-разному, но сути это не меняет. Человек добровольно отрекается от норм людских и возвращает в себе кровожадного зверя, ради собственного удовольствия. Такое не излечивается.

— А кого излечить можно?

— И про таких всё поведаю. Есть несколько разновидностей нечисти во плоти. С каждой из них познакомлю да научу распознавать по повадкам. И как в Геенну Огненную отправить, тоже научу. Правда, твоя цель: не карать, а искать тварей и срывать их подлые маски. Мечами же правосудия будут иные, специально подготовленные для этой цели воины.

Дни обучения оказались безумно сложными, но очень интенсивными и познавательными. Каких только тварей в облике человека не привозили к старцу Власию. Были и маньяки, вроде Агафьи. Причём мужчины среди них встречались намного чаще, но запоминались больше женщины. По первости они даже в кошмарных снах мне снились, пока не научилась ограждать свою психику от подобных уродок.

Далее шли обыкновенные бесноватые. Частенько это были слабые духом, но не критично согрешившие людишки, сдуру или случайно оказавшиеся не в том месте и не в то время. С такими старец Власий долго работал, пытаясь достучаться до ещё не совсем пропащей души. Удачные случаи изгнания беса наблюдала не раз. Освобождённые люди потом готовы были ноги целовать старцу и с радостью отправлялись в монастыри, чтобы не дать возможность Нечистому снова пройти по проторённой дорожке.

Особый контингент представляли бесноватые, чья душа полностью растворилась, оставив пустое тело для вселившегося духа. Чисто физиологически получался нормальный человек со всеми своими потрохами, но в энергетическом плане всё выглядело иначе. Из-за них и появляются рассказы про вампиров всяких и прочую страшную нечисть. Таких, как и маньков, нельзя восстановить. Только убить. Правда, для начала нужно поймать. Сложное дело, ведь полностью переродившийся бесноватый имеет силушку немалую.

Всё это тот контингент, с которым мне предстоит работать. Но есть ещё и бесплотные духи, а также аномальные места с негативной энергией, проклятия. К сожалению, наши эксперименты с Власием показали, что я хотя и могу их иногда слегка почувствовать, но Дара моего для нормального восприятия маловато. Естественно, пока не заполнили живую плоть. Поэтому и нужны отряды с одарёнными иной специфики.

В первые два месяца обучения я чуть было не сломалась психологически. Одно дело смотреть ужастики, и совсем другое — участвовать в них, жить среди мерзости, основательно сдобренной смертями. Единственной отдушиной являлись уроки с моими дамами-наставницами.

Тоже много информации приходилось запоминать. Как правильно войти, как представиться. Манеры и простейшие для этого времени бытовые вещи лишь с виду не сильно отличались от моей прошлой жизни, но на самом деле — пропасть огромная. Даже поведение и обычаи простого крестьянства иногда ставили меня в тупик. Про более знатную и образованную публику совсем говорить не приходится. Рядом с Варварой Игнатьевной и Людмилой Прокофьевной я чувствовала себя слоном в посудной лавке. А уж когда они переходили на французский, то вообще: туши свет, сливай масло!

Зато во время зубрёжки занудных правил и начального курса французского языка я освобождала голову от всей той нечисти, с которой боролись в силу своих возможностей старец Власий и его команда.

Но как же всё-таки быстро человек привыкает к новому! Через полгода я ни манерами, ни внешним видом практически ничем не отличалась от местных. Даже мои строгие учительницы стали признавать, что пусть и с оговорками, но меня можно выпускать в приличное общество.

Единственное, продолжали ворчать, что характер мой

слишком своенравный да резка и ехидна не по своему положению, ибо главная женская добродетель — это скромность. Ну уж простите! Такой с рождения была, по словам покойной бабушки. Тут легче убить, чем переделать.

Ранним морозным утром я вышла из церкви после детального изучения одного полностью переродившегося в каннибала бесноватого. Подобные твари больше не вызывали у меня сильных негативных эмоций, иногда сочетающихся с приступами панических атак. Лишь спокойное омерзение чувствовала к этим нелюдям, научившись воспринимать их как болезнь, которой не место на земле.

— Собирайся, Ирина, — внезапно приказал Власий.

— Куда направляемся, отче?

— Не мы, а ты. Туда, куда Господь направит. То уже не моя забота. Всё. Закончилось твоё обучение.

— Жаль, — вздохнула я. — Привыкла к вам. Не хочу уезжать.

— Может, когда ещё и свидимся, — улыбнулся старец. — Благословляю, дочь моя, на дела великие, богоугодные. Грешен, не верил изначально, что из тебя что-то путное выйдет. Ведь и нраву была странного, да и верой, мягко говоря, не крепка. Но теперь отпускаю с чистым сердцем и уверенностью, что славно послужишь земле Русской.

— Спасибо, отче! — обняла я старца, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы.

Меньше чем через неделю я оказалась в пригороде Санкт-

Петербурга. Огромный особняк, в котором поселили меня, поражал своей роскошью и количеством охраны. Снова почувствовала себя запертой в тюрьме, так как на окнах решётки и дверь на замке. На второй день заточения явился тот самый Победоносцев.

— Ну что, Ирина Петровна? — после всех приветственных церемоний, без тени улыбки начал он. — Я доволен результатами. Все наставники отметили и ваш ум, и ваше прилежание. Поздравляю, госпожа Бесова. Отныне вы официально являетесь подданной Российской империи. Все бумаги о том подписаны. Чуть позже я вручу их.

— Извините, — осмелилась я перебить такого важного и опасного человека. — Не Бесова, а Куравлёва. Вы ошиблись с фамилией.

— Нисколько не ошибся. Имя с отчеством мы оставили вам прежние, а вот фамилию, простите, пришлось изменить. Есть на то причины.

— Поняла. А... Почему Бесова?

— Всею своё время, Ирина Петровна, — слегка улыбнулся Победоносцев. — А пока отдыхайте. Завтра присяга. На ней, кстати, вы познакомитесь и остальными дамами, прибывшими из будущего. Надеюсь, что поладите между собой.

Глава 5

Ожидание встречи с современницами превратило ночь в настоящую пытку. К тому же и сам день ответственен до-нельзя. Не только из-за присяги. Скорее всего, после неё я выйду в большой мир. И буду в нём не просто служить, но и жить. Страшновато, если честно.

Почему-то меньше всего меня беспокоила сама служба. Да, вливаюсь в новый коллектив, в котором необходимо себя зарекомендовать с наилучшей стороны. Но опыт спортсменки, сменившей несколько команд, имеется.

С утра привела себя в порядок и принарядилась. Ну как принарядилась? Тёмная юбка, белая блуза, светло-синий жакет, а также обязательные шляпка и перчатки. Всё достаточно скромно, лаконично, но со вкусом. Особо порадовало, что нет этих дурацких «наворотов» мешающих нормально двигаться. Точнее, по сравнению с одеждой из будущего их хватает, но стоит смириться с тем, что в спортивном костюме или джинсах мне тут никто разгуливать не даст.

Ровно в девять часов утра передо мной предстал с виду невзрачный мужчина, в котором по всем повадкам угадывался тренированный боец. Вместе с ним мы уселись в карету и куда-то поехали.

— Извините, — поинтересовалась я у своего провожатого. — А Константин Петрович где?

— Он ожидает вас в здании Синода. Именно там, Ирина Петровна, вам предстоит присягнуть на верность.

— Что я ещё должна знать о церемонии?

— Не беспокойтесь, — правильно оценив моё состояние, слегка улыбнулся так и не представившийся спутник. — Ничего страшного, по моему мнению, не происходит. Присягу зачитаете, да потом банкет устроят. Но день, конечно, в вашей жизни великий. И... Извините, но я не уполномочен вести с вами беседы на отвлечённые темы. Как говорится: «Quae sunt Caesaris Caesari et quae sunt Dei Deo».

— Чего? Это, кажется, не французский.

— Латынь, Ирина Петровна. В переводе означает» Кесарю кесарево, а Богу богово».

— Да и пусть кесарево, главное, чтобы не сечение, — вздохнула я.

— Извините?

— Не обращайтесь внимание, таинственный незнакомец. Это всё нервы. Я ведь барышня тонкой душевной организации, вот и ворчу по любому поводу.

— Понимаю вас, Ирина Петровна.

Дальше мы ехали в полнейшей тишине. Сенатская площадь встретила нас мерзопакостной погодой. Конец февраля, но в воздухе уже слегка чувствовалось влажное присутствие весны. Отчего становилось зябко и промозгло даже в достаточно тёплом пальто с большим меховым воротником. Ещё и ветер такой, что с ног сбивает.

Правда, долго на улице находиться не пришлось. Подъехав к парадному входу, карета остановилась. Опершись на галантно поданную руку провожатого, я покинула это с виду романтическое, но на самом деле не очень удобное транспортное средство и практически сразу же переместилась в холл Синода, своими стенами отгородившего меня от неприятного ветродуя.

Пройдя по помпезным и абсолютно пустынным коридорам этого величественного здания, мы оказались в одном из его залов, наконец-то встретив первых живых людей. Ими были женщины примерно от двадцати до тридцати лет. Точнее сложно сказать, так как у всех шляпки по последней моде со свисающей «сеткой», закрывающей верхнюю часть лица.

Блин! Да это даже не зал, а молельня! Даже не молельня, а встроенная церковь! Роскошество помещений Синода меня немного придавило эмоционально, поэтому не сразу и разобралась. Запоздало перекрестившись, вошла в церковь и встала рядом с хрупкой девушкой, одетой примерно так же, как и я сама. Впрочем, все дамы были в одной тональности, так что понять, кто это такие, не составило большого труда. Ну вот мы и встретились, «гости из будущего»!

Хотела было начать знакомиться, но тут вперёд вышел Победоносцев и закатил такую речь, что зубы от неё сводить начало. Вещал с теми же интонациями, как и один из моих первых тренеров, который перед каждым матчем почему-то требовал от нас, молодых дарований, не посрамить честь со-

ветского спорта. Причём тут «советский» я до сих пор понять не могу, ведь на дворе уже стоял двадцать первый век, а СССР развалился давно и, кажется, навсегда. Обер-прокурор, конечно, не про спорт говорил, а про служение иного рода, но всё равно серьёзно переигрывал с эмоциями. Хотя тут, наверное, так принято.

Слава всем святым, что Константин Петрович быстро выдохся и наконец-то появилась минутка поговорить с девушками.

— Ира, — первой представилась я рядом стоящей шатенке, пристально всматриваясь в её лицо.

Какая красивая в своей необычности! Хоть иконы с неё пиши!

— Ксения Дмитриевна, — негромко представилась и она.

— Тогда я Петровна. По фамилии Бесова.

— Чуева. Приятно познакомиться, Ирина Петровна.

Примерно в это же самое время заговорили и остальные попаданки. Они наперебой стали называть свои имена и фамилии, одновременно обсуждая местную моду и слегка иронизируя по поводу нашего странного положения. Причём делали это так изящно, с выкрутасами, что я в который раз в этом мире почувствовала себя пресловутым слоном в посудной лавке.

И, естественно, стала от этого нервничать. А когда я нервничаю, то всегда просыпается сильный голод. К сожалению, при перемещении в прошлое эта особенность моего организ-

ма никуда не делась.

Неожиданно одна из девушек — брюнетка со жгучими карими глазами, представившаяся Анной Лиходеевой, наметнула про банкет. Быть может, она в курсе дальнейших планов на сегодняшний день?

— Мне показалось или слышалось слово «обед»? — вклинилась в разговор и я, почувствовав, что ничего путного больше сказать не смогу. — Я не успела позавтракать, и... Поэтому j'ai faim comme une louve...

Кажется, по-французски фразу: «*Я голодная, как волчица*» произнесла правильно. Изначально не собиралась её вставлять, но очень уж не хотелось ударить в грязь лицом, вот и показала хоть какую-то свою образованность.

Думала, что из-за не совсем стандартного роста и особенностей глаз девушки встретят меня с настороженностью. Так почти всегда происходит в незнакомых компаниях. Но на удивление они приняли тепло. Жаль, что перезнакомиться как следует не успели. Началась главная часть действия. Присяга!

Священнослужитель после небольшого молебна стал вызывать нас по одной к себе. Дошла и моя очередь. Положив руку на явно древнюю библию, я стала повторять слова присяги.

— ...клянусь служить верой и правдой, не щадя живота своего, против сил тьмы и врагов Престола...

В душе что-то сжалось, а потом резко отпустило, заставив

полностью расслабиться и не только языком, но и душой зачитывать слова, отдавая себя и свою верность во благо служения Родине. И пусть это не моё время, но будущее началось задолго до моего рождения. И безумно хочется отгородить его от всякой нечисти.

— ... в чём да поможет мне Господь Бог Всемогуший. В заключение же сей моей клятвы, целую слова и крест Спасителя моего. Аминь! — на одном дыхании закончила я присягу.

Наваждение схлынуло, но внутри осталась уверенность, что клятва моя услышана и принята где-то там, на небесах. И нет уже больше Аньки Куравлёвой, а родилась Анна Петровна Бесова. Пусть и на земле, но боевая единица великого Небесного Воинства. И девчонки, стоящие за моей спиной, не просто барышни, а такие же светлые воительницы, как и я сама.

После присяги нас всех куда-то повезли. Конечной точкой маршрута оказался прикольненький такой особнячок, в котором были накрыты праздничные столы. И чего только на них не было! От всей прошедшей очень эмоциональной официальной части мой аппетит разыгрался до такой степени, что я только от одних ароматов чуть слюной при входе не захлебнулась.

Надеюсь, никто не услышал урчание моего живота. Из-за него я даже в театры ходить стесняюсь. Переволнуешься, распереживаешься от происходящего на сцене, а потом в ти-

шине зала разносится: “ *Ур-р-р... Бу-р-р-р...* ». Со стыда сгореть готова! Кажется, что все понимают, кто это тут жрать не к месту просит, и укоризненно косятся в мою сторону. Знаю, что это фобия, но перебороть её никак не могу.

Но сразу поесть не удалось: Победоносцев опять решил поупражняться в ораторстве. Я честно слушала его словесный поток несколько минут, а потом плюнула и принялась за еду. Как говорится: «*Васька слушает да ест*». Ирина Бесова поступает так же.

Потихонечку и остальные девчонки стали отдавать должное таланту поваров, постепенно переходя от блюд к напиткам. Хотя Полина Туманова — хрупкая девушка с голубыми глазами и роскошной косой, сразу же приступила к дегустации игристых вин, особо не заморачиваясь с закуской.

Впрочем, как и Лиходеева. Только Анна предпочла более крепкие напитки. Я пару раз замечала, как она втихоря в бокал для шампанского наливала водочку, а потом манерно её пила, словно лёгкий газированный напиток.

Победоносцев, поняв, что его речи никому не нужны, быстро заткнулся после довольно-таки язвительного замечания самой аристократичной из нас Ксении Чуевой. И тут же все оживились, уже не стесняясь принявшись за вина и закуски. Я сразу поняла, что вечер не будет томным. И пусть я достаточно спокойно отношусь к спиртному, но в хорошей компании не грех и усугубить. Тем более, в кругу своих «одновременно».

К концу застолья и сам Победоносцев, и представители охранки, умело исполнявшие роль официантов, были в лёгком офигевании... Пардон! Слегка обескуражены. И было отчего! Женский праздник — это страшная и неуправляемая сила! Во всяком случае, в двадцать первом веке.

Дамские шляпки набекрень! Смех после шуточек не всегда приличного содержания. Попытки петь классическую «Ой, мороз, мороз!», причём практически все наши знали лишь начальные слова песни. Кажется, только Таня Ведовская, поначалу глядевшая на всех мрачно и таинственно, но потом, после того как ей Лиходеева ловко подмешала в вино водочки, резко подобревшая, осилила песню до конца. И при этом постоянно звучали какие-то острые цитаты классиков, делались оригинальные выводы о нашем попаданстве и месте в новом мире. Юмор, ирония и сарказм с залихватским разгуляевом сплелись в один клубок!

Короче, наклюкались все. И ни себя, ни девчонок винить в этом не могу. Необходимо было сбросить нервное напряжение последних шести месяцев. Но даже такому яростному веселью когда-нибудь приходит конец. Настало время прощаться.

— Девочки-ведьмочки! Не теряемся! — слегка заплетающимся языком проговорила я, обнимая своих новых подруг. — Я вас всех запомнила! Даже по отчествам!

Ксюха Дмитриевна Чуева! Волшебные прикосновения, помогающие узнать прошлое!

Танюха Фёдоровна Ведьмовская! Никто не видит проявления смерти лучше тебя! Excusez-moi! Лучше вас!

Полиночка Антонов... Нет! Андреевна Туманова! Идеальный слух для ловли энергетических паразитов!

Анюта Львовна Лиходеева! Укротительница бесов! Алле-ап!

Девчоки! Кто мы с вами?

— Команда! — с удовольствием прокричали все мои «разогретые» подруги.

— Мечты... — глубокомысленно добавила Лиходеева, стараясь не отдалиться от поддерживающей её белоснежной колонны банкетного зала.

Всё тот же не представившийся провожатый, довёл меня до кареты. Мы ехали по ночному Петербургу. Наверное, по нему, так как редко встречающиеся фонари практически не давали освещения и представления, где мы находимся. На душе было тепло и радостно. Да. Завтра будет новый день и новые проблемы, стирающие сегодняшнюю эйфорию и хулиганское, абсолютно неприемлемое для этого общества настроение. А мы все станем манерными и очень правильными барышнями. Но... Это будет завтра.

Глава 6

Думала, что меня отвезут за город в тот же серьёзный особняк. Но карета остановилась достаточно быстро. Наверное, и двадцати минут не прошло, как мой молчаливый то ли конвоир, то ли провожатый первым вышел из кареты и всё так же галантно помог мне выйти.

Я огляделась по сторонам, благо света здесь хватало.

Небольшой внутренний дворик какого-то огромного здания. Невысокие деревянные колонны расположились вдоль одной из стен дворика и как бы поддерживали на себе выступающую вперёд часть второго этажа дома. Отчего создавалось впечатление длинного арочного коридора в некоем средиземноморском стиле...

А может, и не в средиземноморском — я в архитектуре не очень сильна. Да что там говорить! Во многом нормально не разбираюсь. Не то что мои новые подруги! Вот те бы точно и быстро описали не только колонны, но и всё остальное «роккобарокко». Образование в них за версту чувствуется.

А у меня какие институты? Начиная с детских лет отдавала себя спорту. Вот и доотдавалась... Раньше, когда под рукой всегда был смартфон со всякими «гуглами» и «Алисами» особо не страдала от незнания каких-либо вещей. Достаточно было взять в руки умный гаджет, и тут же получала ответ на любой вопрос.

А вот в прошлом нет ни смартфонов, ни интернета. Знания хранятся в голове, и чтобы их пополнить, необходимо обратиться к книгам. Причём люди их читают не по диагонали, а заучивают чуть ли не наизусть, так как устанешь каждый раз бегать через полгорода в библиотеку по каждому вопросу. И ещё один моментик... Из собственной головушки информацию нужно уметь извлекать и применять правильно. А электронные помощники будущего явно избаловали мой мозг, в отличие от тела не утруждавшего себя серьёзными нагрузками.

Так что разницу между собой и остальными попаданками, имеющими явно не «церковно-приходское» образование, я почувствовала сразу. И это разница мне совсем не понравилась. Дело даже не в самих знаниях, а в способности разнопланово мыслить, моментально доставая из себя нужное на данный момент.

Правда, выпитое нас быстренько уравнило в мыслительных способностях, но заметочку в своей голове я сделала. Пусть и не в таком объёме, как у моих новых подруг, но я должна получить образование. Хотя бы на уровне девятнадцатого века. А то получается, что сила у меня есть, но с умом проблемы. А в аутсайдерах быть не привыкла — спортивная злость не даёт. Главное, чтобы эта мысль не выветрилась на утро с остатками хмеля.

Но пусть с науками у меня слабенько, только вот с памятью всё отлично. И я помню этот дворик в своей прошлой

жизни. Правда, где он находится никак не могла сориентироваться. Словно бы раньше было во многом не так. Но эти колонны...

Да блин! Ещё в юности я вместе со своими друзьями часто бывала здесь! Правда, здание было в полном упадке и внутри напоминало больше «бомжатник», чем нормальное место для жизни. Но колонны ни с чем не перепутаю! Дом на Литейном проспекте! Его ещё «обер-прокурорским» называют! А это — его внутренний дворик! Обер-прокурора знаю всего лишь одного...

— У меня встреча с господином Победоносцевым? — поинтересовалась я у своего провожатого.

— С чего вы так решили? — удивился он.

— Потому что мы находимся во дворе здания, в котором проживает Константин Петрович. Верно?

— Хм...

— Вы чем-то встревожены?

— Немного обескуражен, Ирина Петровна. Не ожидал от вас такого изумительного знания столицы. Но встречи господином Победоносцевым сегодня не будет. Вы и так с ним только что виделись. Здесь ваше новое место проживания.

— Ого! — восхитилась я. — Неужели буду жить почти во дворце?!

— Извините, но не в нём, — тут же разочаровал меня мужчина. — Хотя правильнее будет сказать, что в нём, но в иной части здания. Господин обер-прокурор имеет свои

апартаменты, а у вас будет служебная квартира, никак не связанная с ними. Именно в неё я уполномочен вас доставить. Прошу следовать за мной, Ирина Петровна.

От такого предложения я не могла отказаться. За время недолгого пути через дворик мой «персональный гид» прочитал маленькую лекцию об устройстве этого жилища. Обер-прокурорский дом имеет несколько независимых друг от друга секций. В одной, самой большой и роскошной проживает сам Победоносцев, а остальные используются по различному назначению: как служебные квартиры или, вообще, внаём сдаются. Правда, по тонким намёкам провожатого я поняла, что случайных людей здесь в принципе нет и быть не может. Все как-то связаны с официальными и не очень делами Победоносцева.

Открыв одну из абсолютно непримечательных дверей, что имеются в практически любом питерском дворе-колодце, мы по неширокой лестнице поднялись на третий этаж. Мужчина достал из кармана ключ и с вежливой улыбкой протянул его мне.

— Ваши хоромы, Ирина Петровна. Обустраивайтесь. Сейчас время позднее, но с утра явится служанка. Не беспокойтесь, у неё есть собственный ключ.

— Служанка? — переспросила я, подумав, что ослышалась.

— Да, но всего лишь одна. По всем статьям большее количество прислуги будет выглядеть не очень скромно для ва-

шего положения.

— Какого положения?

— Предлагаю обсудить это в квартире, а не перед её закрытой дверью.

Тут я была полностью согласна. Обсуждать важные вопросы на лестнице было бы глупо. Отперев дверь, я пропустила гостя вперёд. Сопровождающий явно бывал в этой квартире, поэтому сразу же устроил мне экскурсию по ней.

— Ирина Петровна, это ваша кухня. Обязанности по готовке и растопке печей возложены на служанку, так не извольте ни о чём беспокоиться.

— Неплохо, — взглядом окинув кухню, выразила я своё мнение. — Но про служанку вы мне так до конца и не объяснили.

— А что по ней говорить? Приличная девушка. Работать у вас будет с семи утра и до шести вечера. Потом обычно уходит домой, но если вам будет угодно, то может и задержаться. Как я уже сказал, еда, печи на её совести. Также уборка, стирка, закупка продуктов и прочие бытовые дела. Ну и может исполнять мелкие поручения. Оплату получает еженедельно, но вам, Ирина Петровна, не стоит беспокоиться и об этом. Ваше содержание производится полностью за казнённый счёт. Извольте осмотреть иные комнаты?

Естественно, я «изволила». Как оказалось, не всё так плохо у новоявленной госпожи Бесовой! Кроме кухни, имелись столовая, спальня и гостиная комната. После комнатки в

коммуналке прошлой жизни да карельской деревенской избушечки, которую делила со своими преподавательницами манер и французского — это просто праздник какой-то! Не рассчитывала получить в своё распоряжение меблированную трёхкомнатную квартиру с большими комнатами и высокими потолками! Да ещё, по словам незнакомца, прилагается полный гардероб одежды со всякими «женскими штучками»! Кажется, жизнь налаживается!

Закончив с ознакомлением помещения, мой спутник откланялся и оставил меня в одиночестве. Ночь. Незнакомая огромная квартира, из освещения всего лишь керосинка, дающая мистические тени на стенах. И всё такое неродное... Жутковатенько! В этот момент я почувствовала, что теперь действительно живу сама по себе в чужом мире. Но последствия бурного праздника начали сказываться, и вскоре я, переодевшись в найденную тёплую ночную рубашку, укуталась в одеяло и уснула сном праведницы.

У старца Власия привыкла вставать рано. Как говорится, с первыми петухами, а то, бывало, и раньше их. Но после вчерашнего банкета организм потребовал намного больше сна. Открыла глаза, когда на дворе было совсем светло. Значит, часов десять есть точно. В квартире были слышны какие-то посторонние звуки. Поначалу они меня насторожили, но вспомнив слова сопровождающего, я быстро сориентировалась. Это же служанка!

Ой, ё-ё-ё... Надо идти знакомиться. Отчего-то стало

неловко. Прислуги ни у меня, ни у моей семьи никогда не было, а тут вдруг появилась. И как с ней вести? Гордой птицей фламинго вышагивать или включить милую кису? Плюнув на все эти размышления, решила, что никого играть не буду. В конце концов, я сюда не напрашивалась. Напялив толстый тяжёлый халат и на ноги мягкие войлочные чуни, направилась в сторону кухни, из которой и раздавались звуки, а также вкусно пахло выпечкой.

Спиной ко мне стояла служанка и, что-то напевая, возилась у дровяной плиты. Миниатюрная. Причём не по меркам двадцать первого века, а по местным. Дай бог, до ста пятидесяти сантиметров дотянула. Ещё и хрупкая такая. Они что? Подростка в услужение подсунули?

— Доброе утро! — наконец-то соизволила я проявиться.

Услышав голос за своей спиной, служанка вздрогнула от неожиданности, потом резко повернулась и, склонив голову, быстренько присела в лёгком реверансе.

— Доброе утро, мадемуазель Бесова. — Прощебетала она. Позвольте...

Выпрямившись, служаночка замерла, недоговорив фразу. Её взгляд устоялся в то место, где по мнению местных низкоросликов должна находиться голова приличной женщины. Ошибочка. Это моя грудь, а голова чуть выше. Задрав подбородок, девушка большими от удивления глазами встретилась с моим взглядом, отчего впала в настоящий ступор.

— Разные они у меня, разные, — вздохнув, пояснила я.

— Один карий, а второй зелёный. Так иногда у людей бывает, и тебе не померещилось. Как понимаю, о росте тоже не предупредили?

— Неа... — явно на автомате произнесла служанка, продолжая меня разглядывать словно жирафа в зоопарке.

А ничего такая. Приятная. Щёчки розовые, губки «бантиком», носик курносенький. Прямо ангелочек с рождественской открытки. Пожалуй, ей лет семнадцать-двадцать. Хотя может быть и меньше.

— И как зовут тебя, прекрасное создание? — устав ждать, покуда служанка отомрёт, спросила я.

— Анфисой нарекли... Ой! Извините, мадемуазель Бесова! Я это со всем уважением! Не подумайте плохого! Добро пожаловать! Для меня честь служить...

— На этом и остановимся. Я поняла, насколько ты рада меня видеть. И прошу: зови либо госпожа Бесова, либо по имени-отчеству. Мне так больше нравится. Не «мамзельничай».

— Как прикажете, Ирина Петровна.

— Золотые слова, — с улыбкой благосклонно кивнула я.

— И как ты здесь очутилась?

— Ключом двери отперла.

— Это понятно. А в услужении у меня?

— Наняли. Вы, Ирина Петровна, не смотрите, что я молодая. Опыт и рекомендации имею.

— Нисколько не сомневаюсь. Лучше ответь на иной во-

прос. Как часто ты обязана докладывать обо всех моих действиях?

Судя по резко покрасневшим щекам девушки, я сразу попала не в бровь, а в глаз. Но Анфиса молодец: не стала юлить, а честно призналась.

— Каждый день после работы. Простите, Христа ради.

— Да за что тебя прощать-то? Кто-то должен шалить, а кто-то докладывать о шалостях. Ты мне лучше сразу говори, если чего делать не то буду. Чтобы начальника своего не расстраивать плохими сообщениями. Мы ведь с тобой можем договориться о мирном сосуществовании?

— Спасибо, госпожа Бесова. Я постараюсь не докучать вам. Там у меня блинчики успели. Вы их с мёдом или вареньем предпочитаете? Есть вишнёвое и земляничное.

— Блинов-то много напекла?

— Двадцать штук. Но если надо, то ещё могу.

— Тогда и варенье, и мёд на стол ставь. Ну а дальше посмотрим.

Блины оказались восхитительными! Тонкие, дырчатые! Вместе с душистым липовым мёдом и идеально сваренным вареньем, они, кажется, сами съедались. Во время завтрака я разговорилась с Анфисой. Оказывается, ей девятнадцать лет. Отец и мать тоже работают в услужении в приличном доме, поэтому девушка с детства приучалась к профессии. Потомственная служанка, понимаешь!

Да и на язычок бойкая. Как только отошла от первого шо-

ка, с удовольствием стала рассказывать о своей жизни. И хоть про своего настоящего работодателя скромно умолчала, но всё равно мне приглянулась. Тем более, после таких шедевральных блинов! Ну а то, что о каждом моём шаге докладывать будет? Иного сложно ожидать. Особенно после нашего вчерашнего «корпоратива» пригляд будет особенный. Кажется, переборщили мы вчера сильно... Ладно! Перетопчемся!

Звон колокольчика заставил Анфису прерваться на середине фразы. Девушка вскочила и метнулась к дверям. Я тоже по-привычке хотела, но вовремя вспомнила, что встречать гостей, особенно незваных — это дело слуг.

— Ирина Петровна, — буквально через минуту отчиталась служанка. — То курьер был. Вам настоятельно рекомендуется через полтора часа быть готовой пойти на встречу. С кем, не передавали. Позвольте, я покажу ваши вещи, чтобы вы могли выбрать себе наряд.

Ну вот и началось. Видимо, первое задание поспело. А я до сих пор ни сном ни духом с кем работать буду. Хотя... Кажется, зря переживаю.

Глава 7

Как и думала, пришёл всё тот же таинственный провожатый.

— Верхняя одежда нужна или поведёте меня тайными коридорами? — после короткой, но обязательной церемонии приветствия поинтересовалась я.

— К чему такой странный вопрос? — явно удивился мужчина.

— К тому, что в недавнем послании было сказано о необходимости пойти на какую-то важную встречу. Не поехать, а именно своими ножками добираться. Значит, есть два варианта: либо встреча намечается рядом с домом, либо в нём самом. Почему-то мне кажется, что в нём. Не думаю, что господин Победоносцев назначил знакомство с людьми, с которыми мне предстоит работать, через дорогу от собственного дома. Нет в этом никакого смысла. Ну а в жилище столь значимой и таинственной персоны, как наш обер-прокурор, могут быть тайные коридоры, подземные ходы и прочие интересные вещи.

— О! — рассмеялся провожатый. — Ирина Петровна, ваша фантазия безгранична! Поверьте, это всего лишь дом! Но отдаю должное вашей рассудительности: встреча намечается в нём. Правда, придётся идти через дворик к чёрному входу апартаментов Константина Петровича, так что стоит немно-

го утеплиться. К сожалению, лета ещё слишком долго ждать.

Оставив Анфису дальше хозяйничать в квартире, вскоре оказалась в части дома Победоносцева. Шла по его залам и невольно сравнивала их с тем, что видела в будущем. Это же какую красоту угробили за полтора века! Огромные окна давали много света, насыщая пространство воздухом и визу-ально увеличивая помещения. Солнечные лучи причудливо играли на покрытой позолотой лепнине, что была не толь-ко стенах, но и на потолке. Роспись, картины, мебель... Всё очень богато, но с таким вкусом, что нет ощущения кичли-вости. Бли-и-и-н... Ну почему меня поселили не сюда?!

Кабинет Победоносцева выглядел скромнее парадных за-лов, но всё равно было на что посмотреть. Сам же его хозяин при моём появлении не удосужился выйти из-за огромного письменного стола, хотя и кивнул с приветливой улыбкой. Как начальник, вызвавший подчинённого.

— Доброго здравия, Ирина Петровна. Проходите, при-саживайтесь. Извините, на политесы времени нет, поэтому сразу перехожу к сути. Вот ваши новые документы и некая сумма на расходы, — протянул он стопку бумаг и внуши-тельную пачку ассигнаций. — Надеюсь, вы не транжира и деньги используете с умом.

— Спасибо за жалованье, Константин Петрович, — с лёг-ким поклоном ответила я.

— Это не жалованье. Оно у вас будет в конце каждой неде-ли. Поверьте, очень достойное. Но я прекрасно понимаю, что

несмотря на всю кропотливую подготовку вашей квартиры, обязательно что-то да осталось неучтённым. Данная сумма поможет вам самой исправить все огрехи, а также сделать покупки на свой вкус.

— Учла.

— Прекрасно, Ирина Петровна. Теперь слушайте и запоминайте вашу новую судьбу. Вы являетесь помещицей из тамбовской глуши. После смерти родителей дела у вас не заладились, да и сидеть у чёрта на куличках было скучно. Поэтому, продав свои земли, решили попытать счастья в столице. Средства позволили вам снять приличную квартиру, в которой сейчас и проживаете. Вот только с остальным не сложилось... Извините за такую прямолинейность, из-за внушительного роста и необычных глаз не нашлось поклонников, готовых оценить вашу несомненную привлекательность и повести к алтарю.

— Не извиняйтесь, Константин Петрович. Из песни слов не выкинешь. И я давно уже приняла себя такой, какая есть, так что ничего обидного не нахожу. Если я кому-то не нравлюсь внешне, то это не значит, что некрасивая. Простая вкусовщина. Уверена, что мой настоящий суженый будет в восхищении от всего во мне. Даже от роста. А мнение остальных не считается. И благодарю вас за «несомненную привлекательность».

— Приятно слышать, что вы настолько разумная женщина. Продолжим. Деньги незаметно стали подходить к кон-

цу, поэтому бывшая помещица Бесова решила найти иной доход, никак не связанный с замужеством. По счастливому стечению обстоятельств в мой дом как раз требовалась гувернантка. Узнав, что подходящая кандидатура живёт прямо под боком, я нанял вас.

— Гувернанткой?! Побойтесь бога! Да кого и чему я могу научить?! Кто бы меня научил!

— Ирина Петровна. Не стоит так нервничать, — недовольно скривился Победоносцев. — Это всего лишь прикрытие вашей основной деятельности. Поверьте, не только к своим внукам, но и к чужим детям я вас не подпущу. Особенно после вчерашнего праздника.

— Извините, — моментально сдулась я. — Немного лишнего позволили.

— Немного?

— По меркам моего родного времени. Ну а чего вы хотите? После переноса в новую среду все барышни испытали жуткое нервное потрясение, и оно требовало выхода. Обещаю, что впредь подобное не повторится.

— Будем надеяться. Иначе это сильно осложнит не только вашу службу, но и жизнь. И если уж вы затронули персоны своих современниц, то должен сразу указать на то, что сближаться сильно меж собой вам не рекомендуется. Более того, все встречи будут исключительно по службе и должны происходить на глазах моих доверенных людей. Даже две такие, по поведению неординарные для нашего общества осо-

бы, находясь рядом, могут привлечь к себе слишком пристальное внимание. Очень не хочется нарушить секретность. Понимаете?

— Да. Жаль.

— Прекрасно. Теперь о ваших непосредственных обязанностях. К вам будут приставлено шестеро, имеющих слабый дар и отличную подготовку, мужчин. Это нижние чины, переведённые со строевой службы в жандармское управление.

— Простите, что перебиваю. А какой у них Дар?

— Никакого по сути. Развито чувство опасности в нехороших местах. Все имеют серьёзный воинский опыт кровопролитных сражений. Именно «чуйка», как они меж собой говорят, не раз спасала каждого в самых критических ситуациях. Но главное — это даже не она, а стойкость к различным проявлениям любых дьявольских явлений. В ваших жандармов не может вселиться потустороннее или иным способом взять под свой контроль. Так что не только охрана от разъярённых бесноватых у вас достойная, но и ударная сила крепкая. В трудный час не подведут.

Свои же обязанности вы, уверен, понимаете. По приказу командира вашего тайного отряда являетесь на место событий и, особо себя не выпячивая, производите поиск тех, кого необходимо изловить. Далее указываете на нужного человека. На этом ваша служба завершена, и начинается дело для мужчин: схватить продавшего душу и доставить в темницу. Вы же спокойно отправляетесь домой и ждёте очеред-

ного вызова.

— Всё предельно ясно, Константин Петрович, — кивнула я. — Кроме командира, и как будут раздаваться задания. Я думала, что этим вы лично займётесь.

— Нет, — пояснил Победоносцев. — Общение со мной у вас будет нечастое. Исключительно в крайних случаях. Я и мои доверенные лица будем собирать информацию по стран-ным событиям в столице и отсеивать чушь, которой, поверь-те, будет очень много. Вы не представляете, сколько глупых страшилок придумывают люди из-за своей необразованно-сти или мнительности!

Дальше решаем, какой из вас согласно способностям пе-редать то или иное дело. Его на руки получает командир от-ряда, и уже сам принимает решения. Учтите, хоть вы и не состоите на официальной службе, но приказы его должны выполнять неукоснительно! Но... Откуда вы прибыли на са-мом деле, пока не разглашайте даже ему. Я сам это сделаю, если посчитаю нужным.

— Чего уж тут непонятного, — вздохнула я. — Как бу-дет доставляться информация до меня? Есть какое-то место сбора, которое должна посещать в определённые часы?

— Никаких сборищ, Ирина Петровна. Секретность пре-выше всего! Либо к вам на дом придёт вестовой из вашего отряда с посланием, либо, если дело стоит обсуждения, сам командир.

— Меня может и не быть дома.

— Верное замечание. Поэтому, оставляя квартиру, вы обязаны сказать своей служанке, куда направляетесь. Хотя бы примерный район, если не знаете точный адрес. И постарайтесь его не покидать без особой нужды. Ну и не выезжать из города, разумеется.

— Служанка уходит на ночь. И ещё мне иногда может потребоваться срочная обратная связь.

— Ирина Петровна! Да в вас скрывается самая настоящая прожжённая шпионка! — рассмеявшись, позволил себе шутку Победоносцев. — Какие острые вопросы задаёте! Анфиса живёт на первом этаже в ином крыле дома. Оно предназначено для прислуги и подобных ей людей. Так что посыльный быстро отыщет домработницу, если вы ночью не откроете дверь. Анфиса девушка строгих нравов и послушная, поэтому всегда ночует исключительно дома, согласно моему распоряжению. Вам тоже советую придерживаться этого правила хотя бы на первых порах.

Что же касается, как вы выразились, «обратной связи»... Не думаю, что она понадобится. Ваша задача: выезжать на вызовы, а не самостоятельно искать опасных приключений. Но коль вас так волнует этот вопрос, можете обсудить его со своим командиром. Поверьте, у меня слишком много важных государственных дел, чтобы вникать во все тонкости вашей службы. И так трачу на неё безумное количество драгоценного времени.

— Спасибо, что разрешили, — грустно ответила я. —

Признаться, после вашего рассказа создаётся ощущение, будто не в самом Санкт-Петербурге, а в казематах Петропавловской крепости жить буду.

— Они тоже часть столицы. Вижу, как вы расстроились. Не всё так плохо, Ирина Петровна. Гуляйте, наслаждайтесь магазинами и театрами. Заводите интересные знакомства. Всё для вас открыто! Просто помните, что служба у нас особенная, поэтому и правила тоже особенные. Приходится жертвовать частью личной свободы ради безопасности Родины.

Я в этом плане тоже не исключение. Вы не представляете, как иногда хочется бросить всё и уехать в загородное поместье. Там уютно устроиться в мягком кресле и в одиночестве, наслаждаясь бокалом хереса, посвятить себя книге какого-нибудь талантливой автора. Но не могу... Не могу... Долг не отпускает.

К тому же вы и ваши современницы — это новый для нас опыт, неизведанный. Со временем всё уляжется, утрясётся, и я почти уверен, что обретёте ещё больше свободы в действиях. Ну а пока только так.

— Извините, Константин Петрович, — прервал наш разговор появившейся в дверях секретарь. — К вам прибыл подполковник Евгений Захарович Водянов-Сульский.

— Просите, — приказал Победоносцев, а потом добавил уже мне. — Вот и ваш непосредственный командир явился. Так что готовьтесь, госпожа Бесова, к, надеюсь, приятному

ЗНАКОМСТВУ.

Глава 8

Надеждам Победоносцева не суждено было оправдаться. Никакого приятного знакомства не вышло. Мне сразу не понравился вошедший в кабинет мужчина. Увидев его, первой моей мыслью было: *«Они специально издеваются?! Сначала приставили служанку от горшка два вершка, а теперь и метр с кепкой командира назначили!»*

Этот, облачённый в тёмно-синий мундир вояка лет сорока пяти, действительно был очень невысокого роста. Держа фуражку на согнутой руке, он строевым шагом подошёл к столу, щёлкнул каблуками и отрапортовал.

— Господин обер-прокурор! Подполковник Водянов-Сульский прибыл в ваше распоряжение!

Блин... Ещё и голова у него плешивая. Лишь несколько волосинок лежали зачёсанными поперёк лысины. Фу!

— Весьма рад, Евгений Захарович, — совсем не по-военному с улыбкой ответил Победоносцев. — Разрешите представить вам одну из ваших подчинённых. Ирина Петровна Бесова. Она, как никто другой, может распознавать всякую нечисть в человеческом облики.

— Очень приятно, сударыня, — опять щёлкнул каблуками Водянов-Сульский и галантно приложился тонкими губами к моему запястью.

Но несмотря на всю показную вежливость, от меня не

укрылся некий брезгливый взгляд новоявленного командира. Да и тон такой, словно не “ *Очень приятно*» сказал, а «*Шла бы ты лесом*». Кажется, полковник тоже меня невзлюбил с первого взгляда. А уж когда я встала, то в его глазах промелькнула настоящая злость. Видимо, девушки на две головы выше пробуждают в этом Сульском некие комплексы. Охохонюшки... Чую, не сработаемся.

Но все свои грустные мысли я постаралась припрятать до лучших времён. Первой провоцировать конфликт не в моих интересах. Начальство же!

— Евгений Захарович, Ирина Петровна, — продолжил Победоносцев после всех, причитающихся в подобных случаях расшаркиваний. — Предлагаю безотлагательно перейти к делу. Нижние чины вашей группы ожидают этажом ниже. У вас скоро будет возможность с ними познакомиться. Ну а пока давайте рассмотрим первое задание. Так сказать, пробное. Я прекрасно понимаю, что вам необходимо время, чтобы приобрести некую сплочённость, поэтому начнём с достаточно лёгкого случая.

За последнюю неделю в районе Обводного канала на довольно небольшой территории было совершено несколько злодейских нападений. Пострадали исключительно девушки от восемнадцати до двадцати пяти лет. Причём все со светлыми волосами.

— Они живы? — поинтересовалась я.

— Да, Ирина Петровна. Слава богу. И рассказывают все

примерно одно и то же. Возвращаясь поздним вечером домой, получали в темноте удар по голове. Сзади, поэтому злоумышленника видеть не могли. Дальше изувер начинал жестоко избивать свою жертву, пока та не теряла сознание. Лично не видел, но по словам полицейских, покалечены девушки сильно. Живого места нет.

— Один ли он? — спросил подполковник. — Быть может, шайка какая в окрестностях появилась и таким жестоким способом карманы припозднившихся прохожих очищает. Обводный канал — место премерзкое, и швали там всякой хватает.

— Была такая мысль. Но, Евгений Захарович, ни у одной из жертв ничего не пропало. Лишь только по внушительной пряди волос срезано было. Да и очень странный выбор жертв: все как одна бедные девушки и имеют схожий типаж. Мой человек в полицейском управлении сопоставил факты и пришёл к выводу, что в преступлениях замешан один человек. Все следы на то указывают. Я внимательно изучил рапорт и ознакомился с известными девятью случаями нападений.

— Девять за неделю?! — удивилась я.

— Именно, Ирина Петровна. — Точнее, за шесть ночей. И у меня не остаётся сомнений, что мы имеем дело с персонной, продавшей нечистой силе свою душу. Причём совсем недавно. Допускаю, что имеем дело не с бесом, захватившим тело, а пока лишь с простым извращенцем, наслаждающимся

ся болью. Вот только, зачем ему нужны волосы? Для какого-то тёмного ритуала?

Преступник лишь калечит, но скоро начнёт убивать. Обязательно начнёт, так как уже не сможет остановиться. И наша с вами задача: поймать изверга до первого убийства. До того момента, пока темнота в его душе не разрослась до критических размеров.

— Слушаюсь! — внезапно вскочил подполковник и вытянулся по стойке смирно. — Когда приступать, господин обер-прокурор?! Готов хоть сейчас!

— Похвальное рвение, — благожелательно кивнул Победоносцев. — Прямо сейчас и приступите. Берите Ирину Петровну, познакомьтесь со своими бравыми орлами и выезжайте на место. К счастью, наш злодей изрядно наследил. Неподальёку от последнего нападения обнаружился свидетель, видевший, как в один из домов вбежал человек с окровавленными руками. Причём, аккуратно всё по времени совпадает.

Квартиру, к сожалению, указать не могу, но думаю, вам не составит большого труда проверить всех жильцов мужского пола, живущих в этой парадной. Так что берите свой отряд, ставьте ему задачу и действуйте. Надеюсь, через несколько часом услышать хорошие вести.

Вместе с подполковником мы молча спустились на первый этаж. В одной из комнат нас дожидались шестеро мужчин в жандармской форме со знаками различия нижних чинов. Все кряжистые, явно обладающие неплохой физической

силой. Но больше всего меня заинтересовали их лица. Как на подбор «рабоче-крестьянские», без малейшего налёта аристократизма, только вот глаза выдают людей, прошедших огонь и воду. Бывалые воины, не понаслышке знающие цену и жизни, и смерти. Они мне сразу приглянулись. Такие в беде не бросят.

Жаль, что наш командир был иного мнения.

— Смирно! — заорал он, ещё толком не успев войти в помещение. — Совсем сволочи расслабились?! Я вас научу, как приветствовать старшего по званию!

Минут пять распиался Водянов-Сульский. Абсолютно не обращая на меня ни малейшего внимания, он вышагивал перед строем бойцов и грозил им всякими карами за будущие провинности. И ещё жутко придирался к внешнему виду каждого подчинённого, находя какие-то мифические нарушения в форме. Больше всего почему-то досталось сапогам, по моему мнению, начищенных до зеркального блеска, но по словам подполковника, выглядящих так, словно их только что из болота вытащили.

Наконец-то наш командирчик устал драть горло и приказал грузиться в кареты около чёрного входа во внутреннем дворе. Причём меня он посадил не в свою. Плохой знак. Значит, общения нормального не будет. А я-то рассчитывала во время пути хоть какие-то мостки между нами наладить. Работать... вернее, служить же всё-таки вместе, и тут не до конфронтации.

— Скажите, — обратилась я к одному из жандармов, сидевшем напротив меня. — А что это за дубинки у вас в чехах? Что-то не припомню таких.

— Ефрейтор Семён Щукин, — представился военный. — А это, госпожа Бесова, непростые дубины. Старинные какие-то, заговорённые. Уж больно их нечисть всякая не любит. Случалось, шашкой рубанёшь, а твари хоть бы что. Не всякой, конечно, но бывало. Завоет и давай утекать. А вот как дубиночкой этой оприходуешь нечисть, так с ног валится, ежели правильно приложиться. Из иной и полностью дух вышибить можно.

— Ого! Спасибо. Смотрю ты, Семён, человек бывалый.

— Да мы тут все бывалые. Где раньше служили, говорить не велено, но со всякими вражинами племени людского приходилось встречаться. Главное: понять, чья морда за человеческим лицом скрывается, и дальше уже не отпустим. А вы, Ирина Петровна, и вправду бесноватых на расстоянии чувствуете?

— Ты знаешь, как меня зовут? Подполковник, кажется, не представлял.

— А чё ж не знать-то? — подал голос другой попутчик. — С нами два дня беседы вели. Кто, что делать должен, да под чьим началом ходим. Всё толково объяснили. Извините, не представился. Жандарм Ляксе́й Лапшин.

— Очень приятно, — улыбнулась я. — Получается, теперь вместе служим. Ну а бесноватых всяких и тварей в че-

ловеческом облиции я, действительно, чувствую. Правда, не всегда на расстоянии. Иногда прикосновение нужно. Всё от обстоятельств зависит.

— И то хлеб, Ирина Петровна, — довольно кивнул третий мой попутчик, представившийся ефрейтором Иваном Бортниковым. — А то до этого только по наитию хватали. Бывало, что и не того. Раз под Сестрорецком купчишку прижали. Здоровенного такого! Кулачищи по пуду каждый! Насилу повязали. А оказалось, что не он это лютовал ночами с удавкой: приказчик при нём злодейством промышлял. Бесноватый приказчик сбежал под шумок, а наше начальство потом долго успокаивало сильно помятого купца. Ну и нам на орехи досталось за недогляд...

— Постараюсь, чтобы подобная история не повторилась, — пообещала я. — Но многое зависит не от меня, а от командира нашего. Какой-то нервный он очень, крикливый.

— Да и пусть кричит, — отмахнулся Алексей Лапшин. — То дело командирское. Наш хоть без рукоприкладства обошёлся. Ну а мы люди подневольные: дали приказ — исполняй.

Всё дорогу я болтала со своими новыми знакомыми. Да уж, много интересного узнала. Оказывается, даже малейших зачатков демократии в девятнадцатом веке не было. «Ты начальник — я дурак» является аксиомой для местных. А я-то, привереда, ещё ныла в своём будущем, что свободы мне не хватает! Да в раю жила!

Внезапно карета остановилась. Поняв, что прибыли на место, мы вышли из неё. И тут же раздался гневный голос подполковника.

— Куда вылезли, олухи! Я, кажется, не давал команды высовываться на улицу! И вас, Ирина Петровна, это тоже касается.

— Ну и как, по вашему мнению, мы будем производить поиск и задержание? — проигнорировав его тон, спокойно поинтересовалась я.

— Вы, сударыня? Никак! Сидите себе в карете. Всех задержанных по очереди будем приводить к вам на опознание. Большого от вас не требуется. Ты, ефрейтор! — ткнул командир в Семёна Щукина. — Останешься с нашей мамзелью. Проследи, чтобы её не похитили или сама чего-нибудь не учудила. И смотри у меня!

Первым порывом было ответить этому нахалу в присущей двадцать первому веку манере. Но взяв себя в руки, сдержалась. Во-первых, скандалить с начальством на людях не хочется. А во-вторых, нужно внимательно присмотреться к происходящему.

Этот Водянов-Сульский чин немаленький, поэтому стоит хорошо подготовиться на случай войны между нами. Пусть пока думает, что я проглотила его наглость. Нет. Она записана у меня в памяти. Чувствую, в скором времени целую коллекцию из претензий составляю.

Ну и в-третьих, мы сейчас на задании, где личным обид-

кам не место. Это как перед игрой: какие бы отношения с тренером ни складывались, всё отходит на второй план, когда ты на площадке. Иначе победы не видать. А мне хочется победить в своём дебютном матче против нечисти!

Глава 9

Все ушли шерстить парадную, а я под присмотром Семёна Щукина осталась сидеть в карете. Не прошло и пятнадцати минут, как ко мне стали приводить первых «пациентов». Водянов-Сульский не стал мелочиться и выдернул из квартир всех лиц мужского пола, начиная от безусых юнцов и заканчивая глубокими стариками. Под предлогом опознания какого-то мифического воришки каждого из задержанных поочерёдно помещали ко мне в карету. Я задавала пару вопросов ошавевшим от происходящего людям, а потом их отпускала. Через полчаса опознание закончилось.

— Здесь нет нашего злодея, — объявила я недовольному подполковнику.

— То есть как нет? — скривился он до такой степени, что мог с такой мордой лимоны рекламировать. — Сударыня! Если начальство уверено, что наш разыскиваемый живёт в этой парадной, значит, так оно и есть. Думаю, всё дело в том, что вы, госпожа Бесова, очередная шарлатанка. Если и имеете какие-либо таланты, то исключительно мошеннические. О чём и будет доложено обер-прокурору. Так и знал, что всяким мамзелечкам не место среди нас! Женщины всё превращают в балаган!

— Докладывайте что хотите, — отмахнулась я. — Дурное дело нехитрое. Но способности у меня есть, о чём прекрас-

но известно господину Победоносцеву. Раз не нашёлся нужный субъект, значит, тут его нет или... Или вы недостаточно смыслёны, поэтому упустили преступника. О чём уже я доложу обер-прокурору.

— Ах так?! — чуть ли не скрипя зубами, процедил Сульский. — Значит, сейчас заново всех осмотрите! Я, конечно, проверю каждый закуток во всех квартирах, но ошибка не во мне, а в вас! И если вы опять недостойно исполните свои обязанности, то... То я не знаю, что с вами будет! Но, поверьте, что ничего хорошего!

Произнеся это, полковник пулей вылетел из кареты и рванул с ещё не успевшими расслабиться жандармами обратно в дом.

— Суровый у нас командир, — со вздохом произнёс Семён. — Таким лучше не перечить.

— Таких до командования вообще лучше не допускать! — с жаром ответила я. — Тупой служака! Всё, я на улицу, а то карете слишком душно.

— Не велено, Ирина Петровна.

— И как ты меня остановишь? Драться с женщиной будешь?

— Упаси боже! А... — задумался на секунду Семён. — А давайте вместе воздухом и подышим.

Встав около кареты, я стала дожидаться полковничий «улов». Внезапно стало как-то неуютно. Словно кто-то смотрит на меня нехорошим взглядом. И это ощущение всё боль-

ше усиливалось. Взгляд Зверя! Так я окрестила его для себя. Маньяк или бесноватый рядом. Он любит меня. Он желает причинить мне боль, но боится подходить на глазах у жандармов.

Оглянувшись по сторонам, я заметила лишь парочку мальчишек лет семи. Эти точно вне подозрений. Так откуда тогда этот взгляд? Он уже практически насквозь прожигал меня.

Гад спрятался, скорее всего, в доме. Но не в той парадной, которую указали бдительные граждане. А в какой? Я сразу отмела в сторону дальние окна и сконцентрировалась на тех, из которых меня легко разглядеть. Незаметно исподлобья рассматривала их. Ничего необычного. Практически во всех окнах люди. Пялятся на странные кареты и пытаются понять, что отряду жандармов понадобилось в их дворе.

Взгляд зацепился за абсолютно пустое окно с неплотно задёргнутыми шторами. Именно от него исходило неприятное чувство. Внезапно одна из штор колыхнулась. За ней точно кто-то прячется и рассматривает двор! Почему таится? Да потому что это и есть наш подозреваемый!

— Семён, — повернулась я к ефрейтору. — Ты хорошо знаешь эти дома? Сможешь с улицы определить, какое окно, к какой квартире относится?

— Легко, Ирина Петровна. Я ж городовой когда-то был и эти домишки, как облупленные знаю.

— За моей спиной третье окно справа на втором этаже...

Да не смотри ты так откровенно! С какой лестницы вход?

— Со второй, если от ворот считать. О! Там шторка полностью задёрнулась.

— Чёрт... Я же говорила не пялиться! Кажется, нас заметили! Бегом в ту квартиру!

— Ирина Петровна, никак не...

— Бегом! Преступник может сбежать! Счёт идёт на секунды, и наши не успеют!

Быстро проговорив, я, не дожидаясь ответа, рванула к лестничной двери. Около неё уже с расчехлённой дубинкой меня нагнал Семён. На лестничной площадке я пропустила его вперёд. Ефрейтор сориентировался быстро и указал на нужную дверь. Очень символично! Квартира под номером тринадцать!

— Постучи для начала, — приказала я Семёну. — Не будут отрывать — ломай!

Но только мой сопровождающий занёс кулак, как дверь сама распахнулась. Причём с такой силой, что бедного жандарма отбросило в сторону. Получивший в лоб Семён осел на пол, от удара явно находясь в прострации. Его «зачарованная» дубинка выпала из рук и подкатилась к моим ногам.

Одновременно с этим из квартиры выскочил высокий, худощавый мужик в серой шинели и зелёной фуражке. Машинально я преградила ему путь, и тут же сильные мужские пальцы сомкнулись на моём горле.

Дальше всё было как в тумане. Страх и ярость всколых-

нули нечто странное в моей душе. Засадив мужчине коленом между ног, я на мгновение заставила его ослабить хватку и оттолкнула от себя. Но эта сволочь сдаваться или бежать не собиралась. Бесноватый явно окончательно слетел с катушек и, наплевав на всё, вознамерился убить меня. Жажда смерти в нём оказалась сильнее осторожности.

Бесноватый с рычанием снова попытался вцепиться в моё горло, но очухавшийся Семён помешал ему. Вернее, попытался помешать, так как сразу же получил сильный удар кулаком в висок и снова оказался на полу в полубессознательном состоянии. Но это дало мне время схватить лежащую дубинку и с размаху засадить её по голове бесноватого. Я, конечно, не теннисистка и не бейсболистка, только удар всё равно хорошо поставлен.

Тварь, встретившись с моим оружием, отлетела к стене и, закатив глаза, рухнула рядом с Семёном. Я же, не останавливаясь на достигнутом, подскочила к поверженному противнику и следующим ударом окончательно вырубил его.

После этого вместе с быстро пришедшим в себя ефрейтором Щукиным заковали полудохлого красавца в наручники.

— Зовите наших, Ирина Петровна, — потирая ссадину на лбу, попросил жандарм. — А я этого мазурика здесь покараую. Только дубинку мою отдайте, пожалуйста.

Я метнулась на улицу, и через пару минут привела остальных жандармов во главе с подполковником. Вскоре задержанный был посажен в тюремную карету и отбыл в неизвест-

ном для меня направлении. Ну а мы отправились с докладом к Победоносцеву.

Примечательно, что во время «упаковки» бесноватого наш командир игнорировал меня, словно и не было рядом с ним госпожи Бесовой, вычислившей и обезвредившей преступника. Зато Семёну Щукину после доклада досталось по первое число, за то, что не выполнил приказ оставаться к карете. А вот перед Победоносцевым этот мерзкий Водянов-Сульский начал заливаться соловьём.

— Господин обер-прокурор! Прибыв на место, я быстро сориентировался на местности. Тщательно и оперативно обыскав все квартиры в подозрительной парадной, мы не смогли обнаружить злодея, поэтому я принял решение о повторном обыске. Это, дало возможность предположить, что искомый человек мог находиться где-то рядом. Предчувствия не обманули. Вскоре бесноватый, несмотря на свою силу оказался в моих руках и отбыл к месту своего заточения. Естественно, я дал приказ об усиленной охране подозреваемого во время пути. Так что задание пусть и с небольшими огрехами, но выполнено, и дело можно закрывать. Больше никаких нападений не будет.

Вот сволочь! Ни одного упоминания моих и ефрейтора действий! Из размытого доклада получалось, что исключительно благодаря мудрому командованию злодей был пойман. Все заслуги подполковник приписал себе, ловко обходя невыгодные для своей персоны факты.

— Прекрасная работа, Евгений Захарович, — благожелательно произнёс Победоносцев. — С почином вас. А что может добавить к сказанному госпожа Бесова?

— Да-да! — ехидно проговорил Сульский. — Расскажите, сударыня, как вы грубо нарушили приказ своего командира и подвергли риску не только себя, но и моего подчинённого.

— Если бы я не осмелилась действовать сама, то задание было провалено, — не осталась в долгу я.

— Это всё ваши женские домыслы! Птичка уже была практически в клетке, и поимка бесноватого являлась лишь делом времени! Он бы всё равно оказался в моих руках, но без ненужного риска и возникшей по вашей вине неразберихи!

— Подождите, подполковник, — слегка нахмурившись, перебил его Победоносцев. — Я хочу услышать рассказ Ирины Петровны без ваших купюр.

Упрашивать себя не заставила и чуть ли не поминутно описала все наши действия во время операции. Ну и в заключение припечатала командирчика.

— Из всего вышеизложенного, господин обер-прокурор, я сделала неприятный вывод, что господин подполковник находится явно не на своём месте. Ну а успешная поимка бесноватого связана исключительно со счастливой случайностью, но никак не с разумным командованием. Поэтому если чем и можем гордиться, то только тем, что не провалили дело. Хотя всё шло именно к этому.

— Вздор и женские истерики! — не удержался Сульский.
— Чрезмерная эмоциональность, Ирина Петровна, мешает вам оценить картину адекватно. Ну а если я вам показался немного груб, то... Привыкайте! В армии и иных подобных мужских организациях нет места манерному кокетству. За ним идите в модные салоны. Мы же тут служим, а не батистовыми платочками слёзы промакиваем!

— А вы, подполковник, идите на плац и там муштрой занимайтесь. Подобное не требует большого ума и вам очень подходит.

— Остановитесь, — жёстко прервал намечающийся спор Победоносцев. — Я понял ваши позиции. Думаю, что со временем вы найдёте общий язык, а сейчас можете быть свободны. Отдыхайте. Как бы то ни было, но первый блин не вышел комом. С чем нас всех и поздравляю.

Всю дорогу до своей квартиры, я размышляла о сегодняшнем дне. Во-первых, с паршивым Сульским мы точно не сможем поладить, несмотря на все уверения Победоносцева.

Во-вторых, любая полученная исходная информация о предстоящем поиске бесноватого может оказаться частично неверной. Мы выезжали по конкретному адресу, рассчитывая встретить слабенького маньячилу, совсем недавно ставшего бесноватым. А в результате пришлось схлестнуться с тварью иного уровня: с сильным бесом быстрыми темпами пожирающим душу хозяина тела. В этом я полностью уверена, после контакта с ним.

В-третьих, справиться с таким бесноватым я не должна была несмотря на всю свою спортивную подготовку. Слишком он был быстр и силен. Даже опытный вояка ефрейтор Щукин показался ему досадной помехой и ничем более.

Но ещё старец Власий говорил, что не раз замечал, как во время эмоционального всплеска во мне просыпается некая сила, способная легко подкову согнуть и на лету мухе крылья оторвать. Правда, до конца я её не осознаю, так как ещё не пришлось по-настоящему оказаться в очень опасной ситуации.

Не поверила тогда этому мудрому человеку. Бывало, конечно, что, находясь рядом с клеткой бесноватого, испытывала некий странный душевный подъём, но к суперменству из голливудских боевиков он не имел никакого отношения. Сегодня убедилась, что Власий был прав. Как только бесноватый схватил меня за горло, то сразу же перешла в некий боевой режим. Будто лошадиной дозой допинга тело накачали. Через минуту после схватки отпустило, но я помню это состояние.

Придя домой, тяжело опустилась в кресло. Ощущение вымотанности полное. Как после интенсивной многочасовой тренировки. Но расслабиться не получилось. Раздался звук дверного звонка, и буквально через несколько секунд в гостиную влетел разъярённый Водянов-Сульский. Следом за ним появилась испуганная Анфиса. Кажется, сейчас продолжится неприятное выяснение отношений ...

Глава 10

— Не позволю! Слышите! Не позволю смешивать фамилию Водяновых-Сульских с грязью! — без раскачки начал орать подполковник на меня. — Не какой-то там самовлюблённой кокетке равняться с графским титулом! Выскачка! Да как вы посмели очернить меня перед обер-прокурором! Вы! Ничего не понимающая в серьёзных мужских делах, имели наглость...

— Смените тон, — жёстко прервала я вопли визитёра, даже не сделав попытки встать с кресла. — Иначе не посмотрю на ваш графский титул и вышвырну из своей квартиры. Возможно, что и через окно.

— Сгною... — прямо в лицо прошипел он, слегка наклонившись. — На каторге... Не в ссылку отправитесь, а именно туда! У меня там отъявленные головорезы по струнке ходили и пикнуть не смели! И не считайте себя незаменимой! Я — аристократ и командир, к словам которого обязательно прислушается обер-прокурор! Вылетите пробкой не только со службы, но и из столицы! До самого Урала лететь будете! Ведьма пучеглазая!

Не знаю, то ли переходящий все границы хамский тон этого истерика так на меня подействовал, то ли неприятная красная рожа и кривой палец, который Сульский поднёс к моему лицу, но в груди поднялась холодная, спокой-

ная ярость. Она не затуманивала мозг, но требовала выхода. И одновременно с этим я почувствовала резкий прилив сил, как во время боя с бесноватым.

Медленно поднявшись с кресла, ласково приказала Анфисе:

— Дорогая, открой дверь квартиры пошире. Я решила не портить окно.

Служанка без дополнительных вопросов метнулась в коридор. Я же схватила гоблина в мундире за грудки и на вытянутых руках понесла его к выходу. Сначала подполковник оторопел от подобных «нежностей», но на половине пути осознал происходящее и попытался оказать сопротивление.

Руки коротки! В прямом и переносном смысле! От его попыток освободиться лишь половина пуговиц отскочила от полковничьей форменной шинели. Больше ничего сделать не успел, отправившись в короткий полёт от моей двери до противоположной стены лестничной площадки.

Вроде бы не убила, раз он так резво вскочил и кинулся в атаку. Приготовилась вмазать по его благородной харе, но Сульский справился и без меня. Сабля в дорогих позолоченных ножнах запуталась между его кривых ножек, в результате чего подполковник, запнувшись и потеряв равновесие, совершил второй полёт. Правда, в этот раз не горизонтальный, а вертикальный, картинно скатившись по ступенькам лестницы. Удачливый гадёныш! Опять без травм обошёлся.

Я с усмешкой смотрела, как он пытается встать на ноги

и сориентироваться в пространстве после такого головокружительного «слалома». Внутри не было ни страха, ни иного нервного напряжения. Отчётливо понимала, что этот клоп с погонями мне сейчас не соперник. Даже интересно стало, чем дело закончится.

— Господин фуражку обронил... — слышался за моей спиной неуверенный голосок Анфисы.

— Давай сюда. Нам чужое ни к чему.

Взяв в руки головной убор, я швырнула его полностью очумевшему от происходящего, уже точно, бывшему командиру и уничижительно произнесла:

— Плешь свою прикрой, «герой»! Не смейся народ.

— Дура бесноватая! Каланча! — срываясь на фальцет, завопил Сульский, полностью превратившись из подобия офицера в дитяtko малое. — Я немедленно долож...

Но я дальше слушать не стала. И так понятно, что скажет. Закрыв дверь, прошла в гостиную и снова уселась в кресло. Боевой азарт стал проходить, и вместе с этим навалилась жуткая усталость. Видимо, резервы моего организма не безграничны. После всплеска силы пришёл откат.

— Лютый господин... — негромко произнесла Анфиса.

— Извините, Ирина Петровна, но не погорячились ли вы с ним? От важного человека всякой беды ожидать можно. А этот не простит.

— Ничего, — устало отмахнулась я. — Ты всё с самого начала видела?

— Да. Извините, что в дом впустила. Господин подполковник ворвался, без разговоров оттолкнув меня в сторону.

— И это тоже опиши в своём ежедневном докладе. Всё что видела, подробно опиши. Каждую фразочку и жест зафиксируй. Можешь прямо сейчас и начинать, пока из головы ничего не выветрилось.

— Как скажете, Ирина Петровна. Но... Обед когда подавать?

— Подожди писать! — встрепелась я, услышав про еду.
— Чем сегодня потчевать собралась?

— Щи говяжьи, котлеты пожарские. На гарнир — гречневая каша и соленья. Также кулебяка и пирожки яблочные...

— Прекрасно! — недослушав, перебила я. — Накрывай на стол! Всего хочу!

Не прошло и пятнадцати минут, как я принялась за еду. После сегодняшних поединков, кроме усталости, во мне проснулся и настоящий звериный голод. Я и раньше поесть любила, но тут прямо как не в себя мела. Лопнуть должна была от такого излишества, но всё проваливалось словно в бочку бездонную.

Анфиса, скромно отказавшаяся разделить с хозяйкой обед и объяснившая, что уже отобедала «своим», стояла, вытаращив глаза от удивления. Думаю, раньше подобного аттракциона ей видеть не доводилось. Да и мне тоже, если уж быть откровенной.

Сдалась лишь на последнем пирожке. Долго смотрела на

него, решая: съесть или нет, но потом внезапно поняла, что не влезет. К тому же глаза стали слипаться. В сон потянуло с такой силой, что еле дошла до кровати. Оказывается, за полдня вымоталась так, как никогда в жизни не приходилось.

Зимний дворец. Кабинет императора Александра III

Константин Петрович Победоносцев уже второй час маялся в приёмной, ожидая вызова к императору. Нехороший знак. Видимо, государь окончательно утратил доверие к своему верному слуге и таким образом выражает недовольство. словно не обер-прокурор Святейшего синода, а мелкая сошка дожидается аудиенции.

Наконец-то появился адъютант и вежливо попросил предстать пред императорскими очами.

Мысленно пожелав себе удачи, Победоносцев нервно одёрнул китель и вошёл в кабинет. Остановившись около Александра Третьего, отчитался о своём прибытии и замер.

— Присаживайтесь, Константин Петрович, — добродушно произнёс император. — Разговор намечается длинный и интересный. Я тут ознакомился с вашим докладом, и вопросов по нему возникло много.

— Готов ответить на все, — внутренне облегчённо выдохнул обер-прокурор, осторожно опускаясь в предложенное кресло.

— Приятно слышать. Что ж... Занимательный опус вы тут мне подкинули. Романы по нему писать можно, если бы эти

бумаги к абсолютно секретным не относились. Но у меня вызывает недоумение тот факт, что все наши гости из грядущего не работают одним отрядом. Более того! У каждой своя вымышленная история, условия проживания и службы. К чему такие сложности?

— Вы правы, Ваше Императорское Величество. Я намеренно развёл этих особ. Вместе им никак нельзя собираться. По моему глубочайшему убеждению, наши барышни в составе одного отряда начнут вытворять чёрт знает что... Извините за сие выражение. Ощущение, что одарённые дамы прибыли не из будущего, а совсем из иного мира. Их суждения, характер и прочие вещи кардинально отличаются от наших с вами. Причём настолько, что иногда впору за голову хвататься.

— Это я уже понял из вашего доклада, — мягко произнёс государь. — Продолжайте.

— Спасибо. Ещё раз извините за неуместное выражение, но создав единый женский отряд, мы бы получили настоящий шабаш на Лысой горе. От которого не только мы, но и черти бы вздрогнули. Поэтому я разделил подопечных, чтобы они прониклись жизнью нашего времени, ассимилировались в нём.

Как вы успели заметить из доклада, способности и характеры у всех разные. Исходя из этого, я посчитал разумным индивидуально подобрать каждой не только общественный статус, но и условия проживания. Постарался совместить

кнут и пряник так, чтобы от одного не было слишком больно, а второй не вызывал чувства вседозволенности.

Слежку за всеми, естественно, организовал пристальную. Только с одними стражницами действую открыто, а другим нужна свобода в некоторых её проявлениях. Так они лучше работают и не сильно нервничают. К тому же к стражницам, несмотря на определённую вынужденную жёсткость своего поведения я полон искреннего уважения и готов иногда закрывать глаза на их маленькие слабости. Цельные личности не могут быть «как все»... Тем более, ТАКИЕ личности!

— «Стражницы»?

— Да, Ваше Императорское Величество, — слегка смутился Победоносцев. — Единожды наших гостей так мысленно назвал, и «приклеилось». Теперь по-иному и не получается.

— Определение мне нравится, Константин Петрович. И ваши доводы по индивидуальному подходу тоже считаю обоснованными. Но вы не указали в отчёте важную для государства вещь. Стражницы... Хм... Действительно, звучит! Так вот, стражницы должны владеть важной информацией из будущего. Что удалось выяснить?

— Ничего, государь, — удручённо покачал головой обер-прокурор. — Всякая ерунда в их речах иногда встречается. Но когда начинаю спрашивать о серьёзных вещах, пытаюсь выяснить исторические факты или технические новшества, то дамы не могут ничего сказать. По их же словам, хо-

тят, но временно всё забывают, как только открывают рот. А потом снова вспоминают... До следующего моего вопроса. И я уверен, что не обманывают, так как сговориться им не было никакой возможности.

— Жаль... — вздохнул император. — Но примем как должное. Видать, Господь не хочет, чтобы мы попытались исправить будущее. Что у вас за проблемы с подполковником Водяновым-Сульским? Безобразный факт его конфронтации с Бесовой меня очень насторожил.

— Полностью моя ошибка, — признался Победоносцев. — Изначально подполковник служил инспектором ссыльных поселений и острогов на Урале. Проявил себя как хороший руководитель и отменный служака. Ни одного взыскания за всю карьеру! К тому же владеет некоторыми малыми зачатками дара. С виду: идеальный кандидат, но... У него оказалось слишком зашоренное сознание. Водянов-Сульский не предназначен для нашей работы.

Более того. Я ошибочно считал, что граф не имеет семьи по причине полной отдачи себя служению Российской империи. Оказалось, что он просто ярый женоненавистник. Да и многие иные его человеческие недостатки сразу проявились в нестандартной обстановке. Поэтому я решил отправить Водянова-Сульского обратно на Урал. Среди каторжан и ссыльных подполковнику самое место. Пусть служит, но подальше от столицы.

На освободившееся место командира у меня уже есть до-

стойная кандидатура. Признаться, изначально хотел приставить к Бесовой именно её, но ротмистр Саблин отчаянно не желал менять свой белый кавалергардский мундир на синий жандармский.

— Ничего не меняется в этом мире, — вздохнул Александр. — Армейские герои продолжают презрительно относиться к жандармам.

— Согласен. Но буквально вчера я сумел уговорить его.

— Уговорить? Почему просто не приказали?

— Не та служба, государь. Со всякими проявлениями Тьмы нужно по велению сердца бороться, а не по приказу.

— Допускаю, что вы правы. Надёжный человек? Новой ошибки не будет? — испытующе посмотрев на Победоносцева, жёстко спросил император.

— Не будет, государь. Его семью я знаю очень давно. И барон Юрий Александрович Саблин придётся как нельзя к месту. Несмотря на свой свободолюбивый характер, это наш человек!

— Они все «наши». Даже дураки. Ладно, Константин Петрович. Раз вы уверены в своём выборе, то пусть служит. Давайте обсудим и остальных стражниц...

Глава 11

Проснулась лишь утром. Ничего себе «вздремнула»! Зато ощутила себя свеженькой и полной сил. Анфиса уже всю орудовала на кухне. Причём девушка сделала выводы из вчерашнего пиршества, поэтому кроме огромной стопки блинов, ещё всякой всячины приготовила человек на пять. Правда, сегодня мой аппетит не стал зверствовать. Съев с десяток блинов и, чтобы не обидеть девушку, отщипнув от иных блюд по небольшому кусочку, я остановилась.

— Какие новости, Анфиса? — взяв в руки чашку с кофе, поинтересовалась я.

— Никаких, Ирина Петровна. Как вы велели, я вчера всё подробнейшим образом описала, но посетителей пока не было.

— Обязательно ещё будут. Какие у меня планы на сегодняшний день?

— Не знаю, госпожа, — последовал недоумённый ответ. — То ж ваши планы.

— Тогда... Посижу пока дома. Если до обеда никто не появится, то пойду гулять. Можно?

— Воля ваша, Ирина Петровна.

— Прекрасно. Хочется побыть на свежем воздухе.

Но в тот день никуда я не пошла. Казалось, что вот-вот и появляется посыльный от Победоносцева, чтобы отвести ме-

ня «на ковёр» к начальству. А разговор с обер-прокурором явно не самый приятный намечается. И пусть я нисколько не жалела о своём поступке, только всё равно беспокойно на душе в ожидании выволочки. Как никак целого графа обидела! Да её и подполковника!

В том, что меня никуда не сошлют, нисколько не сомневалась. Это Сульский и Анфиса не знают о моём настоящем происхождении, а вот продуманный Победоносцев не станет разбрасываться такими уникальными кадрами. Тем более, из будущего!

Первую половину второго дня тоже провела в бесцельном ожидании, но опять никто не пришёл. Плюнув на всё, решила попусту не мотать свои нервы, а реально прогуляться по городу. Безумно интересно сравнить этот Санкт-Петербург и мой прошлый... Вернее, будущий.

Предупредив Анфису, что хочу пройтись по Невскому проспекту, утеплилась как следует и впервые вышла к людям без провожатых. Остановилась у ворот дворика, нерешительно осмотрелась. Отчего-то сразу захотелось вернуться в квартиру. Но сделав над собой небольшое усилие, всё же шагнула в неизвестный мне мир.

Свернув с Литейного на Невский, неторопливо пошла в сторону Адмиралтейства. Буквально через пять минут полностью успокоилась. Несмотря на то что некоторые и поглядывали с удивлением на очень высокую барышню, но никто не показывал пальцем и не орал: «Ату её! Она здесь

чужая!».

У Гостиного двора, совсем расслабилась. Здесь живут такие же люди, как и в прошлой жизни. Немного странно одетые, но к местной моде я уже привыкла и смотрела на всех этих дам и кавалеров без особого интереса. Больше поразила архитектура, которая, несмотря на свою узнаваемость, сильно отличалась от привычной мне по двадцать первому веку.

Вместо потока машин по мощёной булыжником мостовой едут разномастные конные экипажи. Вместо огромных зеркальных витрин — мутноватые стёкла, за которыми скромно примостились товары. Вывески на часто встречающихся лавках и ресторанчиках не блещут огнями. Всё такое допотопно-патриархальное и вместе с тем родное. Я выросла в центре, поэтому знаю здесь каждую улочку и подворотню. Даже те знаю, что ещё не построили.

Дойдя до канала Грибоедова, не удержалась и свернула на него. Отчего-то очень захотелось увидеть, как возводится Спас на Крови, мимо которого я не раз возвращалась домой, ругая толпы туристов и экскурсоводов с их громкоговорителями. Да и место, оказывается, для меня особенное. Не будь успешного покушения на Александра Второго, я бы, наверное, так бы и жила в своём времени.

Сейчас тут настоящая стройка. И вместо туристов с фотоаппаратами деловито снуют мужики с лопатами. Постояла немного, полюбовались, как другие работают. В душе прямо так и подмывало похвастаться, что я видела окончательный

результат всех этих строительных усилий.

Внезапно стало зябко. Но не от холода, а от присутствия... Нет, не бесноватого. Иная потусторонняя сила была неподалёку. Я подобное обычно почти не чувствую, но тут прямо обожгло от ледяного, полного смерти взгляда. Дёрнулась, быстро осмотрелась по сторонам и увидела женщину в белом саване и с посиневшим лицом. В руке она держала платок.

Около и сквозь неё спокойно проходили люди, не ведая, что находятся рядом с призраком. Наши глаза встретились, и эта жуть моментально растаяла в воздухе, словно никогда её и не было. Игра воображения или действительно мёртвая дама явилась? Раньше бы рассмеялась, посчитав подобное галлюцинацией. Но сейчас, зная то, что простому обывателю знать не положено, склонилась к версии призрака. Злого, непримиримого к людям.

Обязательно нужно доложить об этом Победоносцеву. Пусть примет меры и привлечёт необходимых специалистов из наших попаданок. Эта мёртвая дамочка не в моей компетенции. Удивительно, что вообще заметила её!

Спокойное и слегка романтическое настроение мигом испарились. До этой встречи хотела ещё прогуляться до своего дома, в одной из коммунальных квартир которого у меня когда-то была... будет своя комната. Но передумала. Ну его на фиг! Не тот настрой. Да и стоит ли терзать себя ностальгическими воспоминаниями? Только зря душу бередить.

Вернувшись в квартиру, сразу же спросила у Анфисы о

новостях. Но глухо. Никто моей персоной не интересовался. Не выдержав, рассказала ей о встрече с призраком.

— С платочком в руке и вся синюшная, словно удавили? — тревожно спросила служанка, выслушав мой короткий рассказ.

— Да.

— И аккурат неподалёку от места гибели государя Александра Освободителя?

— Я же сказала, что у строящегося Спаса на Крови. Вряд ли царя в нескольких местах могли убить.

— А эта... — замялась девушка. — Вам платочком не махнула?

— Нет. Зыркнула и растворилась.

— Уф... Слава богу! — облегчённо перекрестилась Анфиса. — То одна из убийц царя. Вернее, душа её, грехамиотяжёлённая, мается. И по началу весны всегда появляется на месте своего злодеяния. В те самые дни, когда его и совершила. Если кто увидит — это ещё не беда. А уж если Софья проклятая махнёт платком, значит, скоро помрёт видевший её. Так народ говорит... Вы не первая, кто заметил призрака этого. И не все встречу с ним пережили.

— То есть, эта тварь известная? — удивилась я.

— Слухов много бродит.

— Понятно. Но в своём донесении всё равно нашу встречу опиши.

Ни на третий, ни на четвёртый день ко мне тоже никто

не пришёл. Словно все про меня забыли. Это игнорирование начало сильно нервировать. Я уже в голове все возможные неприятности представила. И чем больше проходило времени, тем мои фантазии становились всё страшнее и страшнее.

Но во время вынужденного бездействия смогла основательно пройтись по магазинам. Изначально задалась целью прикупить себе несколько нарядов, приличных по виду и не сковывающих движений. То, что подобрали люди Победоносцева, было как-то... Не моё, что ли. Практика показала, что при встрече с бесноватым пышные шелка с кринолинами, а также всякие корсеты будут только мешать. Но...

Оказалось, что на такую, как по-хамски, но верно заметил гад полковник, «каланчу» местные модельеры не рассчитывали. Нет у них готовых платьев на девушку в сто восемьдесят два сантиметра росточком. Если только под заказ шить.

С обувью и того печальнее вышло. Привычного мне обозначения размеров пока ещё не придумали, но даже большая мужская обувь на глаз тянула примерно на сорок первый. Так что женские «топотушки» сорок второго размерчика тем более днём с огнём не сыщешь. Блин! Тоже заказывать придётся!

Поэтому первой моей покупкой были... Книги. Я не забыла о своей безграмотности, и желание её ликвидировать никуда не пропало. В одном из книжных магазинов разорилась на несколько томов Карамзина «История государства Российского». Прошное знать мне необходимо не только с точки

зрения общего развития, но и по специальности пригодиться может. Преданья старины глубокой часто несут в себе причины той или иной мистической аномалии. Уже убедилась в этом на примере призрака-цареубийцы.

Примечательно, что мне сначала не захотели продавать эти книги из-за того, что я... Женщина! И сочинения Карамзина мне как бы не подходят. Сразу захотелось поскандалить, но быстро поняла, что вежливый старичок в пенсне не желал меня унизить. Здесь так принято. Мужчины читают умные книжки. Ну а дамы — исключительно «остальное», типа художественной литературы любовного содержания и поваренных книг.

Пришлось вспомнить, что официально числюсь гувернанткой в доме Победоносцева. Под этим «соусом» и выцыганила необходимые книжки, объяснив, что они нужны не мне, и действую исключительно в целях воспитания подрастающего поколения. Доводы были приняты, и я с победным видом вышла из книжной лавки в обнимку с тремя томами исторических трудов.

Цены на них конские! Но мне не жалко было потраченных денег. Впрочем, как и на пирожные, которых я вдоволь накупила в одной из кондитерских лавок. Вот чем мне однозначно нравится прошлое — так это едой. Поначалу без усилителей и подсластителей она кажется немного безвкусной. Но стоит к ней немного привыкнуть и уже никакую химию употреблять не хочется.

Пирожные давно съедены. От исторических дат и кучи имён начинало потихоньку подташнивать, но я всё равно упрямо вгрызалась в страницы трудов Карамзина. Чтоб ему пусто было! Не мог коротенько и более доходчиво всё описать! Звонок в дверь заставил меня подскочить с кресла и швырнуть книгу на стол. Наконец-то! Началась движуха! Дождалась!

— Ирина Петровна, — нарисовалась в дверях растерянная Анфиса. — К вам прибыл некто ротмистр Саблин Юрий Александрович.

— Кто?

— Не знаю. Впервые его вижу. Но он явно осознаёт, к кому пришёл.

— Один?

— Нет. С тортом.

— Тогда впусти. И торт, и Саблина этого. Пусть подождут здесь в гостиной. А я пока себя в порядок приведу.

Быстро пробежала в спальню. Скинула с себя домашнее платье и достала из гардероба более приличное одеяние. Пока облачалась в него, размышляла о странном госте. Явно не посыльный от Победоносцева. Они с приказами, а не с тортами приходят.

Ротмистр... Звание не самое маленькое. Насколько помню, нечто среднее между майором и подполковником. Такого офицера мальчиком на побегушках не отправишь. Неужели замена Водянову-Сульскому? Тогда зачем он сам заявил-

ся, без представления у обер-прокурора? Ладно! Чего домыслы строить? Скоро во всём разберусь!

Глава 12

Надев белую блузку и синюю юбку, осмотрела себя в зеркало. Сойдёт! Гость хоть и с тортом пришёл, но явно по делу, поэтому особо с ним манерничать не собиралась. Очаровывать, тем более. После сволочного Водянова-Сульского хочется не красоту наводить, а разминку провести. Быть может, и этого командирчика придётся по лестнице спускать.

Вздохнув, подмигнула своему отражению левым зелёным глазом и пошла на встречу с новым начальством. Зайдя в гостиную, увидела плечистого военного, сидящего ко мне спиной и внимательно рассматривающего оставленную книгу Карамзина. Отчего-то решив немного похулиганить, мягко, почти неслышно подошла на цыпочках к мужчине и громко кашлянула, привлекая к себе внимание. Как и ожидалось, он вздрогнул и резко вскочил, быстро повернувшись ко мне лицом.

И в этот момент неожиданно для себя я испытала лёгкое чувство раздражения. Нет, гость внешне был достаточно привлекателен. Примерно лет тридцать, мощного атлетического сложения. Почему-то под кителем мне представилась фигура пловца.

Карие глаза и тёмные волосы придавали яркость гладко-выбритому лицу, и даже неровный шрам на правой щеке не портил приятного впечатления.

Но вот рост... Я за полгода привыкла видеть людей намного ниже себя. Даже мужчин, что были со мною вровень, можно по пальцам одной руки пересчитать. Но тут ощутила себя недомерком, так как этот вояка был за два метра ростом... Очень неприятное чувство, когда нужно голову не наклонять, а задирать. Словно меня только что с верхней ступеньки пьедестала подвинули.

Вымахал, каланча... Стоп! Уподобляться истеричному Сульскому не стоит. Даже если моего гостя с детства местными удобрениями для роста кормили, то он в этом не виноват. Но всё равно неудобно.

— Извините за столь беспардонное вторжение, — явно не чувствуя ни капли раскаянья, с улыбкой проговорил офицер и лихо щёлкнул каблуками. — Разрешите представиться! Ротмистр Юрий Александрович Саблин. Ваш новый, так сказать, сослуживец.

— Ирина Петровна Бесова, — проямлила я, ещё не успев до конца отойти от лёгкого шока. — Не извиняйтесь. Я рада вашему визиту. Чаю хотите?

— Буду признателен, — продолжая улыбаться, кивнул ротмистр. — Я взял на себя смелость предположить, что наш разговор может пройти в неофициальной обстановке. Поэтому, не зная ваших предпочтений, отважился выбрать небольшой десерт на свой вкус.

— Ваша отвага уместна, — непроизвольно улыбнулась я, оценив «небольшую» коробку с тортом. Килограмма на три

десерт потянет точно. — Анфиса! Принеси нам чаю! И торт разрежь!

Дожидаюсь, пока будет сервирован стол, мы с новым «коллегой» завели пустой светский разговор, обсуждая погоду во всех её проявлениях. Видно, что эта пустопорожняя болтовня не приносит нам обоим никакого удовлетворения, но что поделать, если так заведено.

За чаепитием никчёмный диалог продолжился. Только с погоды мы переключились на мастерство кондитера. К слову, торт был восхитителен.

— И как? — первой не выдержала я, отложив в сторону десертную вилку.

— Извините, Ирина Петровна? — удивлённо приподнял одну бровь мой собеседник.

— Ну вы же пришли составить мнение и сделать выводы, насколько сможете служить вместе с женщиной. Не так ли? Вот я и спрашиваю вас... Как впечатления, Юрий Александрович? Говорите, не стесняйтесь. Лучше сразу прояснить все скользкие моменты, чем потом иметь неприятные конфликты.

— У вас хороший аппетит, — приняв правила игры, не стал миндальничать ротмистр. — Не очень комфортно чувствую себя в обществе жеманниц, которые утверждают, что не голодны, а сами смотрят на еду так, что у меня кусок в горло не лезет. словно объедаю бедняжек. Это большой плюс с вашей стороны.

Любите прямые вопросы и, уверен, не менее чёткие ответы. Признаться, я тоже не сторонник словесной мишуры. Она занимает много времени и мешает добраться до сути.

Прелюбопытную книжицу Николая Михайловича Карамзина я увидел на вашем столе. Знаю, что ни мужа, ни, простите, поклонника у вас нет, значит, сами изучаете столь неженскую литературу. Можно сделать вывод, что имеете мужской склад ума.

Больше, извините, пока никаких впечатлений предоставить не могу. Мы слишком мало знакомы.

— Хм... — задумалась на секунду я. — А с чего вы взяли, что у меня отменный аппетит?

— Это легко понять, Ирина Петровна. Не каждая барышня сможет осилить три куса торта.

— Да? Уже три? Я даже не заметила. А вы, смотрю, чужие кусочки считать любите?

— Упаси боже! — рассмеялся Саблин, ничуть не смутившись. — Просто привык подмечать мелочи! Госпожа Бесова! Право слово, не надо из меня жадину делать!

— Извините, просто к слову пришлось, — быстро пошла я на попятную. — Но вас ничего во мне нестораживает? Поймите, спрашиваю не из праздного любопытства. К сожалению, с прошлым командиром был прискорбный инцидент.

— Я читал об этом безобразном случае, — моментально посерьёзnel ротмистр. — Признаюсь, что ваше дело изучил досконально. Вы отважная девушка, если решились не про-

сто переехать из тамбовской глухомани в столицу, но и принять опасное предложение господина Победоносцева.

Ну а если вы намекаете на свой рост, то можете на этот счёт не беспокоиться. Я сам от него иногда страдаю, поэтому понимаю вашу проблему, как никто другой. Я заметил вашу первую реакцию. Она ещё достаточно сдержана. Некоторые смотрят на меня, как на...

— Жирафа? — подсказала я.

— Именно. А уж сколько шишек себе набил о низкие дверные проёмы — и не сосчитать. Но рост не делает человека ни плохим, ни хорошим. Он всего лишь... Пардон, рост. К тому же мне нравится разговаривать с вами, глядя в глаза, а не поверх головы.

— Кстати, о глазах, — сразу же зацепилась я за слово. — Мои вас не смущают? Перекреститься не хочется? Или меня на всякий случай святой водой окропить?

— Не смущают. Скорее, завораживают своей необычностью. Извините за фривольность, но есть в них какая-то чертовщинка... В хорошем смысле, конечно. Изюминка.

— Ответ принимается. А вы, Юрий Александрович, мастер делать комплименты.

— Благодарю вас, сударыня. Но... Если уж начали такой откровенный разговор, то хочу услышать и ваше мнение о себе. Думаю, это справедливое желание.

— Почему вы без усов? — в лоб спросила я первое, что пришло в голову. — Все мужчины, тем более военные, ходят

с ними, а у вас и намёка нет.

— Ирина Петровна, вопрос прямо не в бровь, а в... ус, — явно играя несчастного человека иронично произнёс Саблин. — Это моя больная тема. То, что появляется у меня над верхней губой, можно назвать старой обувной щёткой, но не мужской гордостью. Поэтому я решил не позориться.

— Совсем так плохо?

— Цирюльники рыдают, когда я их отращиваю. Хотя от шубы шерсть под нос приклеивай.

— Не отчаивайтесь, — не выдержав, рассмеялась я. — У меня плохой вкус, поэтому больше нравятся гладковыбритые командиры.

— Ирина Петровна, — мягко, но уже без шуток проговорил ротмистр. — Давай между нами не будет таких терминов, как «командир» или «начальник». Мы оба осознаём, что со своими талантами именно вы будете играть первую скрипку. Поэтому во время расследований мне придётся больше ориентироваться на ваш, а не на свой воинский. Хотя, конечно, он тоже пригодится.

К тому же я дворянин и офицер. Командовать женщиной — это моветон. Впрочем, как и сама женщина на службе. Когда господин Победоносцев предложил мне в первый раз вступить в его организацию, я категорически отказался именно по этой причине. Да ещё и в жандармский мундир облачаться... Я потомственный военный и подобное для меня неприемлемо.

— Как понимаю, — неприятно удивилась я таким откровениям, — сейчас у вас второй «заход», господин Саблин. И с чего бы это?

— Константин Петрович Победоносцев умеет убеждать. К тому же он старинный друг нашей семьи и знает, чем меня можно «подцепить на крючок». После продолжительной, но очень яростной осады пришлось уступить этому хитрому и умному человеку. Но я взял с него слово, что если вдруг мы с вами, Ирина Петровна, не придёмся друг другу по душе, то я возьму своё слово назад. Поэтому я и пришёл без официального представления.

Константин Петрович легко принял такое условие. Теперь я понимаю почему. Он был уверен, что отторжения вы у меня не вызовете. С нижними чинами нашего отряда я уже общался. Опытные солдаты отзывались о вас исключительно в уважительных тонах. Это обнадеживает.

Осталось лишь определиться с двумя вещами. И первая из них: насколько вы готовы сотрудничать со мной. Как видите, я выложил всё без прикрас, стараясь не быть лучше, чем есть на самом деле. Быть может, и перешёл слегка дозволенные этикетом границы, но вы сами пожелали говорить прямо.

— Какая же вторая вещь вас, ротмистр, беспокоит?

— Не беспокоит. Просто хочется определиться с нашими дальнейшими отношениями. Честь мне не позволяет командовать женщиной, даже такой неординарной и, не побо-

юсь этого слова, боевой. Поэтому предлагаю заменить слова «командир» и «подчинённая» на иное определение — «соратники». И это не пустая игра слов. Мы будем делать одно важное для государства дело, но при этом исключительно на равных правах. Различия составляют лишь обязанности. Впрочем, и они тоже могут меняться местами в зависимости от ситуации.

Ни вы, ни я не имеем большого опыта борьбы с нечистью, поэтому возможны и ошибки, и конфликты. Насколько вы готовы уважительно относиться к моим доводам, не как женщина, а соратница? Без обид и вникая в обстоятельства дела?

— А вы, Юрий Александрович?

— У меня своеобразная семья, — улыбнулся ротмистр.

— В ней матушка имеет такое же сильное влияние и право голоса, как и отец, отставной генерал Александр Григорьевич Саблин. Так что сызмальства умными спорами женщиной меня не удивить.

— Но в сердцах я бываю резка и даже груба.

— Знаю. Читал позорную жалобу подполковника Водянова-Сульского. Даже из квартиры можете выставить самым неподобающим образом. Извините, но крепким словом боевого офицера, не раз участвовавшего в схватках, сложно испугать. Драться же с вами не намерен. Воспитание не позволяет.

— А что оно вам позволяет? — с азартом спросила я, начиная получать удовольствие от этой лёгкой пикировки.

— Ирина Петровна. Вы, право, как дитя малое. Ну кто же выдаёт противнику перед боем свои тайные возможности? Мучайтесь в неведении. Это моя тактика.

— Согласна! — рассмеялась я.

— На что?

— На оба ваших предложения, ротмистр... Пардон, соратник Саблин.

— Тогда, соратница Бесова, предлагаю отметить начало нашего сотрудничества, ещё одним кусочком торта.

— Прекрасная идея!

Глава 13

Ротмистр ушёл примерно через час, хотя мне показалось, что провели вместе намного меньше времени. Интересный собеседник с неплохим чувством юмора и дельными мыслями по совместной службе произвёл на меня самое благоприятное впечатление. Конечно, своих «прибабахов» у него хватало, но обусловлены они не скудностью ума или скверным характером, а догмами того времени... Вернее этого.

Юрию Александровичу, как и многим здесь, сложно осознать, что женщина может быть государственной служащей. А уж работать даме в пусть и тайном, но военном ведомстве — это вообще за гранью фантастики.

Да... Равноправие полов ещё долго ждать придётся. Теперь я начала отчётливо понимать, какой шок испытал Победоносцев, когда из будущего прибыли не мужчины, а женщины.

Можно, конечно, отмахнуться и посчитать, что это их проблемы и пусть теперь «жрут, что дают», но на самом деле это и моя проблема тоже. Нужно учитывать некоторые дикие для меня условности этого общества, чтобы не возникали конфликты на ровном месте.

Но вместе с тем я поразилась, насколько изящно для себя ротмистр Саблин выкрутился из психологической ловушки. Он не командир над «юбкой», а просто коллега, соратник. И

я с удовольствием приняла эту идею, так как она позволяла получить намного больше свободы, чем в условиях жёсткой армейской иерархии.

Мне вообще ротмистр понравился. И даже его почти великанский рост постепенно стал вызывать не дискомфорт, а уважение. Не мужчина, а скала! К тому же в своём прошлом мире я иногда встречала парней подобных Юрию Александровичу, так что переключить своё сознание смогла быстро, начисто забыв о габаритах и сосредоточившись исключительно на личности собеседника.

Ещё мне нравятся мужчины с хорошим аппетитом. На их фоне я не кажусь обжорой. Большой торт мы умяли полностью. Правда, один кусочек я всё же презентовала Анфисе. Та сначала смущённо отказалась, но ротмистр с жаром поддержал меня, отчего покрасневшая девушка с явным удовольствием отнесла свою часть десерта на кухню. Из этой сцены я сделала для себя вывод, что Юрий Александрович — человек достаточно свободных взглядов, раз относится к прислуге не как к людям низшего сорта. Почему-то возникла уверенность, что командир наконец-то попался правильный, и мы с ним сработаемся.

Даже немного грустно стало, когда он, сославшись на неотложные дела, ушёл. Я уже соскучилась по нормальному живому общению. Больше времени одна провожу или со служанкой... Ну или с историческими трудами Карамзина. Хоть волком вой от такой жизни!

— И как тебе наш гость? — спросила я Анфису.

— Больно высок. Я как двери господину Саблину открыла, так от страха чуть не перекрестилась, — честно призналась девушка. — Впотымах затопчет и не заметит. Я в цирке один раз такого видала. Но добрый, обходительный. Не чета прошлому господину. И ещё смешно рассказывает. Простите, Ирина Петровна, я не подслушивала, только иногда некоторые фразы и до меня долетали.

— Значит, понравился?

— Да. Но рядом с ним всё равно чуток робею. Не могут люди такими высоченными быть. Словно великан из сказок.

— А такие, как я, могут? — задала я провокационный вопрос.

— То ж вы, Ирина Петровна. Вы красивая, хоть и необычная.

— А ротмистр, стало быть, некрасив?

— Не то чтоб некрасив, но без усов. Словно не мужчина, а юнец. Негоже солидному чину без них ходить. А так, конечно, лицо благородное. Главное, что вам понравился.

— С чего ты взяла, что понравился?

— Ну... — смутилась Анфиса. — По всему видать. К тому же он своими ногами ушёл, а не с лестницы скатился. Хотя такого сдвинуть даже вам тяжело было бы.

— Верно, — согласилась я. — Да и не хотелось. Привыкай, что господин Саблин будет частым гостем в моём доме. Во всяком случае я надеюсь на это.

Уже на следующее утро мои надежды оправдались. Юрий Александрович явился в районе десяти часов. На этот раз не в парадной, расшитой серебром форме, а в более неказистой повседневной. Кроме сабли на боку, у ротмистра висела кобура и чехол со знакомой мне дубинкой. Явно по делу, а не на чаепитие пришёл.

— Доброго утра, Ирина Петровна, — поздоровался он с лёгкой улыбкой, не отменяющей общего делового настроения ротмистра. — Я только что от господина Победоносцева. Кажется, сегодняшний день не будет для нас праздным.

— Новое задание?

— Вы верно заметили. На Невской пристани мразь какая-то завелась. Три убийства за неделю. Во всех эпизодах у жертв следы от удушения и выколоты глаза, так что можно утверждать, что злодеяния совершены одной и той же личностью.

— Да. Похоже, что это наш клиент, — согласилась я. — Но как его будем искать? Там же, наверное, народу немеренно?

— По отчётам полицейского ведомства ранее подобного не совершалось, значит, злодей здесь недавно. За неделю прибыло восемь судов. На момент последнего убийства у пристани осталась лишь парочка корабликов, остальные отбыли. Поэтому мы начнём именно с них. Построим экипажи, а вы проверите все ли нормальные люди.

— Проверю. Но не обязательно моряки могут быть пре-

ступниками. Нельзя исключать ни грузчиков, ни иных портовых рабочих. Быть может, какой-нибудь дурак давно работает на пристани, но недавно связался с нечистой и теперь зло творит.

— Вы правы в своих сомнениях, — кивнул Саблин. — Но всё равно начнём с моряков. Там не найдём бесноватого, остальных прошерстим. Сначала рабочих, а потом и подозрительных личностей, околачивающихся около пристани. Так что оденьтесь потеплее. Допускаю, что целый день у воды да на ветру провести придётся.

— Спасибо за совет, — улыбнулась я. — Когда выезжаем?

— Немедля. Сколько времени вам необходимо на сборы?

— Десять минут.

— Так быстро? — удивился Саблин. — Обычно дамы...

— Обычную женщину на такую прогулку вы бы не позвали, — перебила я. — Так что привыкайте, господин ротмистр.

— Прошу прощения, Ирина Петровна. Я не хотел вас поставить в неловкое положение.

Нацепив на себя несколько тёплых кофт и толстое зимнее пальто, я вышла во двор, где меня уже дожидались знакомые кареты. Командир предложил поехать в одной, но я отказалась. Уж больно интересно было без начальственных ушей переговорить с рядовыми жандармами. Увидев меня, ефрейтор Семён Шукин сразу расплылся в улыбке.

— Рад вашему появлению, Ирина Петровна, — прогово-

рил он. — Надеюсь, теперь у нас всё наладится.

— Ты про нового командира говоришь?

— Да про вас обоих.

— И как тебе показался ротмистр Саблин? — продолжала я собирать информацию о своём новом начальнике.

— Толковый с виду. Простых солдат не чурается. Сразу не с кулака по рыльнику... простите, по лицу, а с разговоров начал. Чего кому не хватает спросил, как служба. Про вас тоже много расспрашивал. Но мы только хорошее припомнить смогли.

— Ей-богу, так и было, — подтвердил слова ефрейтора Алексей Лапшин. — Это ж какого зверюгу вы тогда спеленали! Семён нам всё в красках поведал. А он врать не любит.

— Спасибо, — довольно поблагодарила я. — Надеюсь, и дальше не подведу таких бравых воинов.

Невская пристань, расположившаяся неподалёку от стрелки Васильевского острова, встретила нас людской суетой, неприятным коктейлем из разных запахов и грязищей. Вдоль берега покачивались на воде небольшие парусные судёнышки, рядом с которыми сновали люди. Вся пристань в каких-то тюках, бочках и ящиках. То тут, то там раздавались громкие начальственные голоса, подстёгивающие рабочих. Да... Не таким я помню это место... Более цивиличным и обжитым.

— Согласен, место не для приличной барышни, — правильно понял моё выражение лица ротмистр. — Но вы не

переживайте, я буду рядом.

— Я переживаю за своё платье и обувь, — честно призналась я. — С чего начнём, Юрий Александрович?

— Да вот с той посуды — показал он на неказистое судёнышко с громким названием «Посейдон». — Команда вся на борту. Пятнадцать человек во главе с капитаном. Пройдитесь вдоль выстроенных морячков и дайте знать, когда бесноватого почувствуете. После этого сразу отходите в сторону, чтобы моим бойцам не мешать. Поверьте, я несколько не сомневаюсь в вашей отваге, но вы всё же не вооружены, поэтому держитесь на безопасном расстоянии.

— Как скажете, ротмистр, — легко согласилась я. — Мне драки не доставляют удовольствия. Особенно прилюдные.

С опаской пройдя по скользкому качающемуся трапу, я очутилась на палубе «Посейдона» и оказалась перед строем мужчин, ошалело вылупившихся на меня и явно не понимающих, что тут вообще происходит.

— Смирно! — за моей спиной так зычно рявкнул Саблин, что чуть не подпрыгнула от неожиданности. — Признавайтесь, сволочи! Кто вчера вечером напал на эту приличную даму и отнял у неё сумку! Не отпираться! Всё равно выведу подонка на чистую воду!

Гробовое молчание и уже не удивлённые, а испуганные взгляды были ответом совсем растерявшейся команды.

— Не хотите по-хорошему? — продолжил изображать из себя злобного «Держиморду» ротмистр. — Значит, будет по-

плохому!

После этого он сбавил тон и уже почти тихо обратился ко мне.

— Мадам Брошкина. Покорнейше прошу осмотреть этих субчиков и выявить подлеца, осмелившегося покуситься на вас.

Блин! Не мог иной фамилии выдумать! Услышав про «Брошкину» хорошо знакомую по песням одной певицы из будущего, я чуть было не испортила всю игру и не рассмеялась. Но быстро взяв себя в руки, приступила к заданию. Несколько раз прошлась вдоль строя, пристально вглядываясь в обветренные лица моряков. Судя по запаху перегара, некоторые из них были с явного похмелья, но на бесноватых совсем не тянули.

— Здесь нет того негодяя. Уж больно лик у него приметный был. Боюсь, теперь в кошмарных снах приходиться начнёт, — пролепетала я, взяв себе роль испуганной «кисейной барышни».

— Точно все на борту? — опять рывкнул Саблин, обращаясь к капитану. — Если соврал, сгною в казематах!

— Так точно, Ваше Благородие, — проблеял бледный мужик, вжав голову в плечи и преданно глядя в глаза Саблину, нависающим над моряком огромной и очень недоброжелательной тучей. — Через два часа отшвартовываемся, поэтому с раннего утра все до единого на судне.

— Ладно. Верю. Распускай своих бездельников.

Оказавшись на берегу, ротмистр, растеряв свой злобный вид, разочарованно вздохнул.

— С первого раза не повезло. Жаль. Пойдёмте, Ирина Петровна, осмотрим и второй кораблик.

— Ничего, — приободрила я командира. — С первого раза не повезло, значит, наши шансы возрастают. Только... Очень прошу придумать мне иную фамилию. Эта у меня вызывает свои ассоциации и мешает сосредоточиться. Пусть я буду... Ветровой, например.

— Желание прекрасной дамы — закон для кавалергарда, — улыбнулся Юрий Александрович. — И пусть я сейчас в жандармском мундире, но в душе всё равно остаюсь кавалеристом.

Глава 14

Вторая плавающая посуда оказалась ещё непризентабельней. Девять человек экипажа больше напоминали не моряков, а бандитов с большой дороги. Все морды пропитые и самого злодейского вида. Даже капитан не производил впечатление приличного человека.

Ротмистр опять вошёл в образ разъярённого служаки и стал запугивать экипаж всеми карами небесными, если никто не признается в ограблении мадам Ветровой. Потом предложил мне опознать злоумышленника.

Признаться, к своим обязанностям приступила неохотно. Вглядываться в лица неприятных, дурнопахнущих сивухой и потом мужиков не самое интересное занятие. Но я всё же честно прошлась вдоль строя. После первого раза бесноватого или какого ещё маньячилу не выявила. Но вместе с тем не покидало некое нехорошее чувство, что он где-то неподалёку. Отбросив в сторону всю свою брезгливость, снова начала обход. Примерно на середине строя меня, как током шандарахнуло. Остановившись около неприметного матроса с неопрятной, полной табака и крошек бородкой, замерла.

И тут наши с ним взгляды встретились. Сомнений больше нет! Вот он, наш бесноватый! Одновременно с пониманием, кто стоит передо мной, пришло ощущение, будто бы в чёрный колодец падаю. Такое бывало у старца Власия, когда он

доставлял людей, в которых не просто так вселилась тьма, а её добровольно призвал хозяин тела, в надежде получить власть и наслаждение от безнаказанных убийств.

И в этот момент я смогла прочитывать эмоции и мысли изувера. Он понял, что раскрыт! Он не боится, но в ярости! Он сейчас попытается сбежать! В его рукаве спрятано длинное шило, которым собирается ударить меня в шею!

Моментально разорвав контакт и ещё не до конца придя в себя, я стала действовать исключительно на рефлексах. Как иногда бывало на волейбольной площадке, когда не видишь мяча, вылетающего из-за спин игроков, но пытаешься предугадать, куда он полетит, и устремляешься именно в эту зону.

Отработанным на мяче ударом я залепила в висок этому гаду. Со всего размаху, не жалея ни свою ладонь, ни противника. К моему великому удивлению и сожалению, тварь не стала терять сознание, хотя и основательно поплыла. Этого мгновения мне хватило, чтобы выдернуть мужика из строя и швырнуть к ногам Саблина. Правда, сама не удержалась на скользкой палубе и завалилась набок.

Ротмистр не подвёл. Бесноватый ещё в полёте получил «волшебной» дубинкой от моего командира точный удар по темечку и приземлился уже без каких-либо признаков сознания. Да Саблин прирождённый бейсболист! Так быстро выхватить своё оружие и поразить движущуюся цель не каждому тренированному спортсмену дано!

Ну а дальше началась суматоха. Бравые молодцы из на-

шего отряда скопом накинулись на бесноватого и повязали его крепкими лентами, напоминающими буксировочный трос автомобиля.

— Жив? — как будто бы ничего не произошло, спокойно поинтересовался ротмистр.

— Скоро в себя придёт ирод, — отрапортовал Леха Лапшин.

— Тогда чего рассусоливаете? Быстро грузите в тюремную карету, и повезём «подарочек» следователям.

— А мне, что дальше делать? — поднявшись на ноги, спросила я.

— Не ушиблись, Ирина Петровна?

— Нет.

— Прекрасно. Не желаете ли для разнообразия прокатиться с нами?

— Куда?

Ничего не ответив, Саблин красноречиво указал взглядом на посторонних. Вот я дура... Нашла, где вопросы задавать.

— Ах, в полицейский участок? С превеликим удовольствием! — быстро исправилась я и чуть ли не первой покинула этот негостеприимный корабль.

В этот раз села в карету ротмистра. Верне, он даже меня не спрашивал, а мягко взяв под руку, подвёл к ней.

— И всё же, куда мы едем? — снова спросила я, когда мы тронулись в путь.

— В место заточения таких, как наш сегодняшний «улов».

Не волнуйтесь, Ирина Петровна, это недалеко. И... Я хочу вам попенять. Вы, право слово, как ребёнок малый: ко всякой дряни бездумно руки тянете. Понимаю, что вы барышня боевая, только и мои молодцы не на прогулку с нами поехали.

— Извините. Так вышло. Я почувствовала, что не успеваю подать вам знак. Бесноватый уже собрался кинуться на меня.

— Вот даже как? — нахмурился Саблин. — Значит, не только вы их чувствуете, но и они вас?

— Раз на раз не приходится, Юрий Александрович. Мы с моим наставником пытались выявить закономерность, но не нашли её.

— Понятно... Это нужно учесть в нашем деле. Но всё равно не стоит так рисковать собой. Просто отскочили бы в сторону, не ввязываясь в бой. Поймите, Ирина Петровна! Ваша жизнь ценнее всех наших вместе взятых. И это я сейчас говорю не только как мужчина, что по долгу рождения обязан защищать детей и женщин. Я исхожу из практических соображений. Ваш дар уникален, поэтому глупо им рисковать без веской на то причины.

К тому же ваш подвиг наблюдали абсолютно посторонние люди. Представляете, какие слухи пойдут по Петербургу после нескольких таких поединков? А господин Победоносцев мне строго настрого приказал соблюдать секретность вашей миссии.

И ещё... Я нисколько не желаю ущемлять ваши права и

свободу, только и как соратник, и как человек буду чрезмерно расстроен, если с вами что-нибудь произойдёт, поэтому дайте мне возможность оградить вас от трагедии. Наша служба слишком опасна, и нет нужды создавать в ней лишние риски.

— Я услышала ваши слова, Юрий Александрович, — виновато улыбнулась я. — Постараюсь не лезть на рожон, когда можно выбрать иной вариант. Да и драться с бесноватыми, оказывается, не самое выгодное занятие. Испачкала и пальто, и юбку. Грязь отстирывается, а мазут вряд ли. Ещё парочка таких выездов и я останусь без гардероба.

— Женщина всегда остаётся женщиной, — с добродушной иронией в голосе произнёс Саблин. — Даже в самой критической ситуации думает не только о победе, но и о своём внешнем виде. И это мне безумно нравится. Как понимаю, у вас есть те же самые проблемы, что и у меня? Готовую одежду купить нет никакой возможности?

— И обувь тоже.

— Я вам дам адреса хороших портных, имеющих прекрасный вкус и берущих относительно недорого за свои услуги. Но вы меня сегодня поразили в самое сердце! Так лихо расправиться с бесноватым далеко не каждому мужчине дано! Ещё и крайне элегантно это сделали! Примите моё искреннее восхищение.

— Элегантно? — рассмеялась я. — Особенно финал у меня «балетным» вышел, когда картинно на палубе растяну-

лась!

— Не иронизируйте, Ирина Петровна. Да, вы упали. Но сделали это так, словно... Умеете падать. Я одно время всерьёз увлекался борьбой, поэтому на такое глаз у меня намётан.

— Ваш удар дубинкой тоже был не только сокрушителен, но и прекрасен в своей отточенности, — вернула я комплимент. — Кажется, бесноватым с нами обоими не повезло.

— Благодарю, — вежливо склонил голову ротмистр. — И полностью согласен с вашим выводом. Но как следует притереться друг к другу всё же стоит, чтобы... Чтобы ваши наряды больше не пачкались.

Вскоре мы подъехали к зданию, в котором я с удивлением узнала «Кресты» — одну из главных тюрем страны. При мне в том времени её уже закрыли и перенесли куда-то за город, но сейчас она сверкала свежими, местами не до конца возведёнными постройками, ещё не впитавшими в свои стены боль и страдания как справедливо, так и невинно осуждённых узников.

Кареты заехали в ворота какого-то помещения. Ротмистр вышел и предъявил суровым охранникам, державшим оружие на изготовку, странный квадратный жетон. Те сразу ослабились, молча отдали честь и открыли широкую дверь, замаскированную под сложенные у стены ящики. Из двери появились люди, своим внешним видом больше похожие на вооружённых священников, чем на солдат. Взяв нашего бес-

новатого, они без слов потащили его в секретный проход, который сразу же закрылся за их спинами.

— Вот и всё, Ирина Петровна, — облегчённо выдохнул Саблин, как только мы покинули Кресты. — Дело сделано, и груз благополучно доставлен. Теперь с нашим бесноватым будут разбираться другие люди.

— Не ожидала, что в обыкновенной тюрьме содержат таких преступников. Думала, их в какой-нибудь монастырь отправляют, — призналась я.

— Тюрьма тюрьме рознь, — пояснил Юрий Александрович. — Эта специально проектировалась с расчётом на то, что в ней будут содержать не только простых арестантов. В ней здания построены в форме крестов не просто так. Потайные казематы надёжно укрыты от посторонних глаз, и выбраться из них практически невозможно. Поверьте, ни один монастырь так хорошо не защищён от потусторонних проявлений.

— Не знала. Но зачем вы предложили мне эту поездку?

— На всякий случай. Никто не ведаёт, какие неприятности нас ожидают в будущем, так что вы должны иметь представление, что делать, если вдруг меня не окажется рядом.

— Да кто меня пустит на столь секретный объект?

— Должны пустить, Ирина Петровна. Уже завтра я позабочусь об этом... Как и ещё о некоторых вещах.

Как только мы въехали во внутренний дворик обер-прокурорского дома, ротмистр построил всех наших солдат и

неожиданно для меня роздал всем по серебряному рублю.

— Благодарю за службу, братцы. Не подвели, — тихо проговорил он. — Выпейте по чарке за нашу первую операцию. Такое стоит отметить. Только не увлекайтесь. Сами должны понимать, что в любой момент можете понадобиться во вменяемом состоянии.

— Спасибо, господин ротмистр — за всех ответил ефрейтор Щукин. — И не волнуйтесь: мы службу знаем, поэтому лишнего себе не позволим.

Отдав честь, жандармы разошлись, оставив нас с Саблиным в одиночестве.

— Как жаль, Ирина Петровна, что я не могу вас пригласить в ресторан, — вздохнул он. — Вы больше всех нас заслужили маленького праздника, но я боюсь скомпрометировать вашу честь.

— Не хотите, чтобы меня посчитали шлю... чересчур легкомысленной особой, без сопровождения появляющейся на людях с посторонним мужчиной? — правильно истолковала я. — Понимаю. Хотя, если честно, мне всё равно на чужое мнение. Достаточно того, что я уверена в себе и знаю правду.

— Я полностью с вами согласен, но, к несчастью, правила этикета придумали не мы. К тому же вы молоды и очень привлекательны. Когда-нибудь у вас обязательно появится поклонник. Не стоит разбивать ему сердце грязными слухами о себе.

— Сдался мне такой ухажёр! — хмыкнула я. — Если че-

ловек больше верит сплетням, а не своим чувствам, то пусть разбивает своё сердце и остальные части тела в другом месте. Но за комплимент, спасибо. И раз вы отказываетесь кормить меня в ресторане, тогда я накормлю вас... Вернее, Анфиса. Приглашаю на обед!

— А я вот возьму и приму ваше приглашение, Ирина Петровна! — рассмеялся ротмистр. — Пусть и не в шикарном, подобающем такому поводу заведении, но мы заслужили выпить по бокалу шампанского! Тем более, господин Победоносцев до завтра в отъезде и с докладом я могу повременить. Так что ждите меня в гости через час.

— Вы куда-то ещё должны отлучиться?

— Естественно. Во-первых, я не в том виде, чтобы составить компанию даме, а во-вторых, мне почему-то кажется, что вы не держите дома запасов «Вдовы Клико». Так что парочка бутылок его, впрочем, как и десерт, с меня. Негоже приходить в чужой дом с пустыми руками.

Глава 15

Обед с командиром оказался не только вкусным, но и информативным. Начался он с того, что Юрий Александрович явился минута в минуту ровно через час. Кроме обещанных шампанского и пирожных, он принёс с собой ещё и небольшое вёдрышко.

— Срочно поставь на холод, — протягивая его, приказал он Дуне. — Иначе растает.

— Там что? Мороженое? — догадалась я.

— Верно, — с улыбкой кивнул ротмистр. — Скоро его сезон заканчивается, поэтому нужно пользоваться случаем.

Хотела было спросить, отчего у мороженого есть «сезон». Вообще-то, его летом едят больше, когда жарко. Но быстро сообразила сама, что холодильников в этом времени ещё как-то нет. Значит, когда на улице минусовая температура — тогда и сезон для этого лакомства. Сейчас уже весна потихонечку начинает отвоёвывать свои права, только всё равно ещё достаточно прохладно, и мороженое дождёт нас на балконе.

Отведав наваристой ухи, мы оба решили, что стоит перейти сразу к десерту. Во всяком случае, мне очень не терпелось попробовать местный вариант мороженого. Слегка подтаявший, но от этого не потерявший своих вкусовых качеств деликатес произвёл впечатление. Да, мороженое отличалось от

того пломбира, что я любила в будущем, только тоже имело свой неповторимый шарм. Впрочем, как и вся еда, что доводилось мне пробовать здесь. Полностью натуральные продукты — это вам не «химия» всякая.

Открыв шампанское и наслаждаясь сладостями, мы завели непринуждённую беседу. Правда, говорил больше Саблин. Не то чтобы он болтун, но мне о своей жизни просто нечего рассказать. Помня о том, что Победоносцев не донёс до командира истинную сущность попаданки, я выкручивалась с помощью коротких фраз. Типа ничего интересного у меня не случилось.

В тамбовской губернии, да ещё и на отшибе её — скука смертная. Корова в имении отелилась — уже событие. Ну а после переезда в Петербург пребывала в растерянности от такого скопления народа, поэтому больше не жила, а пыталась понять, как можно нормально существовать в таком «муравейнике». Провинциалка, одним словом. Лишь только после случайной встречи с людьми Победоносцева жизнь начала бить ключом. Но про это можно и в моём досье прочитать.

Так что пришлось отдуваться ротмистру и выступать в роли артиста разговорного жанра. Впрочем, его «выступление» мне очень понравилось. Не скучно живёт ротмистр и по совместительству барон Саблин!

Помотала потомственного военного судьба. Благодаря своим талантам он достаточно резво продвигался по карье-

ной лестнице. Пока... не был разжалован и сослан на Кавказ.

— Скверная история вышла, — признался Юрий Александрович, после моего вопроса, отчего впал в такую немилость. — Одному подлецу в высоком звании и с княжеским титулом нос «подправил». Нужно было, конечно, вызвать скотину на дуэль, но сгоряча вышло так, как вышло.

— Почти как у меня с подполковником Водяновым-Сульским ситуация, — усмехнулась я.

— Верно, Ирина Петровна. Хотя по мне, у вас более масштабно вышло. Я же всего лишь пару раз кулаком двинул... Правда, прилюдно.

На Кавказе серьёзных боевых действий не было, но без дела Саблину сидеть не пришлось. Абреки, как он называл горцев-разбойников, постоянно совершали набеги на равнину. Приходилось не только оборонять мирные селения от этих банд, но и ходить в рейды.

Судя по тому, что за два года службы ротмистр был не только восстановлен в звании, но и переведён обратно в столичный кавалергардский полк, отличился он там знатно. Хотя сам Юрий Александрович достаточно скромно оценил свои подвиги.

— Да какое там «геройство»! — отмахнулся он. — Солдаты у меня опытные были, да сорвиголовы ещё те. Таки-ми орлами и командовать не надо — сами всё знают. Только следить приходилось, чтобы не лезли дураками под пули, а с умом воевали.

— Ну вы тоже явно не в штабе отсиживались, — показала я на шрам, «украшающий» щёку ротмистра.

— Случайность, Ирина Петровна. Ну и хороший урок, что в бою нужно не ворон считать, а по сторонам внимательно смотреть. К нашей с вами службе он тоже применим.

Потеряв счёт времени, мы проболтали до самого вечера. Лишь когда на улице основательно стемнело, Юрий Александрович опомнился и стал быстро собираться, постоянно извиняясь, что засиделся сверх меры и не дал мне спокойно отдохнуть после сложного дня.

Я уговаривала его задержаться на уже скорый ужин, но ротмистр был непреклонен. В сотый раз извинившись, вежливо поцеловал мне руку и ушёл. А я, оставшись стоять в прихожей, отчего-то смотрела на закрытую дверь и глупо улыбалась.

— Ирина Петровна, — вывела меня из этого странного состояния служанка. — Так вы вечерять будете сейчас или чуть позже?

— А? Чего? Не сейчас, Анфиса, — вздохнула я и направилась в свою спальню. — Что-то грустно и есть совсем не хочется.

— Уж ли не очаровал ли вас господин Саблин? — хитро поинтересовалась девушка.

— С чего ты взяла?

— Оно сразу видно, когда это случается. Раньше тоже думала, что незаметно такое со стороны и на подружек злилась,

когда надо мной подтрунивали. А теперь и сама вижу.

— Ого! — удивилась я этим откровениям. — Анфиса, у тебя ухажёр есть?

— Нет, — грустно призналась девушка. — Там такой красавец, что подступить к нему боязно. Чуб кудрявый из-под картуза прямо копной вырос. А уж как Петя возьмёт свою гармошку да заиграет, то ноги сами в пляс идут. А он знай себе наяривает и хитро улыбается с папироской в зубах.

— Петя?

— Да. Пётр Дронов. У него на Литейном своя небольшая сапожная мастерская. Я только к нему свою обувь чинить ношу. Хоть так полюбуюсь да парой словечек перекинусь. Ну и ещё на танцах... Правда, на них давно не была.

— А чего мнёшься? Возьми и пригласи на прогулку.

— Ирина Петровна! — округлила глаза Анфиса. — Как можно?! Петя же про меня невесть что подумает!

Блин! Совсем забыла о местных нравах! Это в будущем можно легко подойти к парню и телефончиками обменяться. А тут красной девице приходится на расстоянии строить глазки не менее красному молодцу и ждать, пока он соблаговолит обратить внимание на воздыхательницу. Да и после этого в первое время для приличия немного поотнекиваться нужно. Иначе могут и за гулящую посчитать.

— Ничего, — пообещала я. — Что-нибудь придумаем. Сведу вас для первого свидания.

— Спасибо, но не надо, — окончательно смутилась Ан-

фиса и покраснела как рак варёный. — Боязно... А если не по душе окажусь? Как тогда Пете в глаза смотреть? Придётся обувь иному сапожнику носить.

— Ну так и носи. В чём проблема?

— Просто Петруша рукастый больно. И цену не ломит. К тому же мне всегда быстро чинит, отложив остальные заказы в сторону.

— И это неспроста, Анфичсочка! — подняв указательный палец вверх, глубокомысленно проговорила я тоном опытной «интернетной психологини». — Особенная ты для него клиентка! Ну а где клиентка особенная, там и девушка не последняя. Поняла, на что намекаю?

— Всё равно боязно...

— Разберёмся! Завтра же пойдём к нему. Я тут внезапно решила, что мне на сапожках каблук уменьшить просто жизненно необходимо. Так и ростом меньше казаться буду, и равновесие держать легче станет. А то ведь сегодня из-за этих неудобных каблуков упасть умудрилась в самый неподходящий момент.

— Как скажете, Ирина Петровна — смирившись с моим азартом свахи, покорно произнесла девушка.

Но исполнить своё обещание быстро не смогла. Следующим утром мы с Анфисой уже почти оделись, чтобы отправиться к этому Луке, как внезапно на пороге появился один из наших жандармов.

— Прошу прощения, госпожа Бесова. Но вас срочно вы-

зывает ротмистр Саблин. Экипаж у входа дожидается.

— Что произошло? — нахмурилась я.

— Непонятно. Говорят, что бесноватый какую-то бабу пришиб. Но Юрий Александрович сомневается.

— Едем. Извини, Анфиса, наши планы откладываются.

— С богом, Ирина Петровна, — перекрестила меня служанка. — Вы уж поберегите себя... Страсти-то какие!

На Малом проспекте Петроградской стороны... вернее, ещё на Петербургской стороне, около небольшой лавчонки столпились люди и что-то яростно обсуждали. Внутрь толпе не позволяли пройти наши парни из отряда. Увидев меня, выходящую из кареты, жандармы раздвинули толпу, помогая мне протиснуться сквозь неё. В магазине всё было перевернуто вверх дном. Рядом с прилавком лежала мёртвая женщина с явными следами удушения.

— Где ротмистр? — спросила я у караулившего тело Семёна.

— В кладовую бесноватого нашего отволлок.

— Что тут произошло?

— Убийство, как видите. Больше ничего не знаем. Сами пять минут назад прибыли и всех отсюда повыгоняли. Самосуд хотели людишки устроить, а командир не дал его совершить.

Я быстро прошла в подсобное помещение. Юрий Александрович с револьвером в руке неприступной скалой возвышался над изрядно побитым мужичком, забившимся в угол

и тихо скулившим. Видимо, это и есть наш бесноватый.

— Спасибо, что так быстро явились, — без тени улыбки проговорил ротмистр. — Что можете сказать по этому типичу? Только, Ирина Петровна, близко не приближайтесь. Он не совсем вменяем.

Послушавшись совета, я не стала подходить вплотную к подозреваемому. Присела на корточки, всмотрелась в его лицо. Примерно лет тридцати мужчина явно находился в состоянии паники. Но не это главное. Это не обыкновенный человек, хотя и не чувствуется в нём тьма. Я не раз видела людей с синдромом Дауна и ошибиться не могла, кто передо мной.

— Тебя как зовут? — ласково проговорила я, пытаюсь наладить контакт с мужчиной.

— Митя хорошей, — последовал ответ дрожащим баском с детскими интонациями. — Митя маме помогал. Митя маму любит. Не бейте Митю.

— Хороший Митя. Хороший... — легко согласилась я, не повышая голоса. — А Митя видел, что произошло?

— Митя дрова на улице за лавкой складывал. Потом все громко кричали. Митя к маме пришёл, и его обижать стали.

Сомнений не оставалось. Передо мной не бесноватый, а несчастный человек, несмотря на весь свой взрослый вид, остановившийся в развитии на уровне ребёнка. Такой может нанести вред, но состряпать себе даже плохонькое алиби не в состоянии. Ему легче правду сказать, чем придумать слож-

ные для его ума «отмазки». Я отважилась и взяла Митю за руку. Так и есть. Никаких бесов или желания причинить кому-либо боль бедняга в себе не имеет.

— Это не тварь в человеческом облиции, — пояснила я напрягшемуся ротмистру. — И можно с уверенностью сказать, что непричастен к убийству.

— Слава богу, — облегчённо выдохнул Саблин. — Значит, это дело не наше.

— Но мы ведь уже здесь. Быть может, немного поможем нашей полиции? Зря, что ли, ехали?

— Хотите провести своё расследование? Пожалуй, Ирина Петровна, я поддержу вас в этом благородном начинании, — с лёгким кивком и одобрительной улыбкой на губах согласился Юрий Александрович.

Глава 16

— Юрий Александрович, — начала я выяснять подробности. — Как вы вообще здесь оказались?

— Случайно. Утром решил навеститься в казармы к нашим жандармам. Они тут неподалёку находятся. Погода хорошая, поэтому не стал брать извозчика. Иду, наслаждаюсь тишиной и умиротворением. Вдруг слышу крики: «Убивают! Помогите!». Причём раздавались они из лавки поблизости. Естественно, я, как и немногочисленные прохожие, кинулся выяснять обстановку. Действительно, злодейство. Молодой человек в драповом пальтишке стоит рядом с убиенной и орёт не своим голосом, вцепившись в этого Митю. Мол, задушил он бедную женщину.

Народец, недолго думая, попытался на эмоциях самосуд совершить... Да вот только не очень этот блаженный Митя на душегуба похож. Вы же, Ирина Петровна, сами видите: дитя во взрослом теле.

— Митя хороший, — довольно проговорил так и не вставший с пола подозреваемый.

— Вот то-то и оно, — кивнул ротмистр. — Если только в буйном состоянии мог мать убить. Но какое тут буйство? Даже отдалённо им не пахнет. Ну я быстро самосуд прекратил вместе с дворником, что хорошо знает это семейство. Потом отправил дворника в казармы с наказом, чтобы прибыл наш

отряд. Заодно приказал, чтобы и к вам вестового отправили. Извините за беспокойство, но на тот момент я не исключал, что Митя не такой уж и простак. А вдруг действительно бесноватый? Теперь все сомнения в этом отпали.

— Не стоит извиняться, — улыбнулась я. — Это наша с вами работа. Правильно поступили. Значит, если исключить Митю...

— Митя хороший. Митя дрова складывать умеет и пол мыть. Сейчас пол грязный, и мама спит на нём. Маме холодно, — моментально откликнулся мужичок на своё имя.

— Молодец, Митенька. Ты сиди и не бойся. Тётя и дядя тоже хорошие. Так вот, Юрий Александрович. Раз мы исключили одного подозреваемого, то у нас появляется второй. Тот самый господин, что на Митю...

— Митя...

— Знаю. Хороший. Остаётся указавший на Ми... На убийцу человек. Где он?

— На улице дожидается, — пояснил Саблин. — Я к нему одного из жандармов на всякий случай приставил. Как-никак свидетель не только ценный, но и странный. Терять его не намерен.

— Прекрасно! — довольно кивнула я. — Значит, можем допросить и выяснить недостающие детали. Прикажете привести сюда.

Розовощёкий молодой мужчина в недешёвом драповом пальто и со щегольскими напыженными усиками мне не

понравился сразу. Он явно нервничал, но при этом вёл себя как-то странно. Словно играл роль поражённого трагедией человека. Причём делал бездарно.

— Господи! — картинно приложив руку к груди, воскликнул он. — Я не могу поверить! Бедная тётушка! Я ведь всегда говорил, что Митька ненормальный и от него всего ожидать можно! Но тётя не слушала никого! И вот теперь...

— Убиенная Агафья — ваша родственница? — строго перебил его Саблин.

— Двоюродная сестра моей покойной матушки. Но мне, как вторая мать была. Разрешите представиться. Кузьма Дормидонтович Невостребов. Племянник усопшей... То есть убитой. Сын у Агафьи Владимировны сами видите какой, поэтому я тоже платил родственнице добротой за доброту. С делами в лавке помогал, да и по хозяйству тоже.

А Митька всегда лишь неприятности приносил. То его мальчишки на улице побьют, то к соседям без спроса в гости заявится. Несколько раз на кражах ловили. Подойдёт, сволочь этакая, к чужому прилавку, схватит крендель или яблоко и нагло жрёт на глазах хозяина. Или к прохожему какому на улице с разговорами пристанет. Стольких дам напугал, и не сосчитать!

Я неоднократно умолял Агафью Владимировну отдать Митя в «Жёлтый дом». Ведь там таким и место! Но уж больно доброе сердце у тётушки было. Жалела она этого дурака. Вот и дожалелась...

— Бывает, — невозмутимо ответил ротмистр. — С какой целью вы явились в лавку родственницы?

— Как всегда, о здоровье узнать. Сдала она в последнее время сильно. Как тут не волноваться? Открыл лавку, а тут полнейший разгром.

— То есть, лавка была заперта? Вроде уже не совсем раннее утро, и пора начать торговлю.

— Так и есть, Ваше благородие, — кивнул Кузьма. — Сам удивился. Оказалось, злыдень этот...

— Вы застали его у трупа?

— Нет. Митька чуть позже прибежал, когда я стал звать на помощь. Он до этого с дровами возился. Хотел мерзавец и на меня наброситься, но люди добрые помогли. Чёрт, а не человек! Мне иногда кажется, что в нём бес поселился, и дурачком лишь притворяется. Вы бы глянули тётушкин тайничок под половицей за прилавком. Всё ли там на месте.

— Покажете? — попросил Саблин.

— Всенепременнейше!

Переступив через труп, мужчина зашёл за прилавок и поднял одну из половиц.

— Так и есть! Пусто! Ах, негодяй! Обыщите его! Хотя... Мог и на заднем дворе деньги спрятать. Время у него для этого было.

— Что скажете, Ирина Петровна? — обратился ко мне ротмистр. — По мне, так дело ясное.

— По мне, тоже, — кивнула я. — Скажите, Кузьма...э-

Э-э-э...

— Дормидонтович.

— Скажите, Кузьма Дормидонтович. А что это с вашими перчатками произошло? Поцарапаны все.

— Кошку второго дня с дерева снимал. Вот она когтями и подрала. Нужно новые купить, да всё недосуг. Дела-с!

— А на перчатки я как-то и не глянул, — задумчиво проговорил Юрий Александрович. — Минуточку...

Подойдя к труп, ротмистр осмотрел ногти убитой.

— Вот и наша «кошка» нашлась, — нехорошо усмехнулся Саблин. — Господин Невостребов, вы обвиня...

Договорить он не успел. Кузьма, поняв, что раскрыт и попытался было сбежать. Но ефрейтор Шукин оставался начеку. Почти без замаха он двинул кулаком племянничку в челюсть, опрокинув того на пол.

— Вы б, господин хороший, не дёргались, — будничным голосом проговорил Семён, доставая свой револьвер и направляя его на Невостребова. — А то ведь пальну в лоб с перепугу. Со мной такое часто бывает.

— Это произвол! — прохрипел испуганный Кузьма. — Я буду жаловаться!

— Вот в каталажке жалобу и напишешь! — рыкнул на него Саблин. — Ефрейтор, держи этого субчика на мушке. Жандарм Лепёхин! Быстро дуй за полицией. Мы ей подарочек приготовили.

— Есть за полицией! — отдал честь Лёха и быстро выбе-

жал из лавки.

— И всё же, Юрий Александрович, — обратилась я к ротмистру. — Как вы поняли, что перед нами настоящий преступник? Сверим наши выводы?

— Да тут легко было догадаться. Смотрите, Ирина Петровна... Чтобы такой разгром учинить, нужно время и отсутствие посторонних. Злоумышленник дождался, когда не будет покупателей. Потом запер двери лавки, чтобы никто не помешал и задушил Агафью. После устроил беспорядок.

Подозреваемых, имевших возможность провернуть такое, у нас двое. Больше ни у кого ключа от двери быть не могло. Да и про тайник, думаю, хозяйка никому из чужаков не хвасталась. Митя явно неспособен на подобные хитрости. Значит, остаётся племянник. Когда преступление было совершено, он отпер лавку и стал орать, привлекая внимание прохожих. Скорее всего, хотел инсценировать ограбление. Но первым прибежал Митя.

Тут-то Кузьма и решил изменить свой план, указав на больного человека. Он оговорил беспомощного родственника, сославшись на невменяемость Мити. Естественно, люди поверили. Я был одним из первых, кто ворвался в лавку. Признаюсь, со стороны выглядело так, будто бы Митя действительно напал на Невостребова. Но на самом деле всё было с точностью до наоборот. Притворившись жертвой, Кузьма сам схватил своего троюродного брата... Вы обратили внимание на обувь Невостребова?

— Нет. Только на сильно расцарапанные перчатки, — призналась я. — И на то, как эта мразь, легко переступила через труп якобы любимой тётушки.

— А я вот обратил. На ботинках и снизу штанин Кузьмы следы от муки. Словно припорошили ею одежду. Такое может случиться, если сам весь этот погром устраиваешь. У Мити же хоть и измазана одежонка, но сапоги чистые, не считая уличной грязи. Значит, не мог он муку рассыпать.

— А ведь и верно! — удивилась я, внимательно посмотрев на брюки и обувь Невостребова. — Как понимаю, Юрий Александрович, под ногтями убитой вы обнаружили кожу от перчаток?

— Очень на неё похожее. Чёрная, явно не человеческая. Агафья сопротивлялась отчаянно, поэтому и нанесла такой непоправимый вред перчаткам Кузьмы.

— Да. Тут сложно перепутать. Но я бы немного изменила ваши выводы. Этот гад зашёл в лавку с чёрного входа. Иначе бы откуда он мог знать, что Митя дрова складывает? Незаметно прошмыгнул мимо брата, притаился в подсобке и стал ждать подходящего момента.

— Точно! — согласился со мной ротмистр. — Подстраховался, чтобы случайные свидетели не могли указать, когда именно Кузьма вошёл в лавку.

— Ложь! Всё до единого слова! — взвизгнул убийца. — Это наглый вымысел, без каких-либо доказательств! Я честный человек! Пострадавший!

— А чего ж ты тогда пытался улизнуть, «пострадавший»? — иронично произнёс Семён, продолжая держать Кузьму на мушке.

— Испугался оговора.

— Не... Я таких хитрованов не раз ловил. Ты испугался того, что украденные деньги в кармане лежат. Скинуть их по дороге хотел, подлец? Ан не вышло!

— Верно, ефрейтор, — довольно прокомментировал Саблин. — Доказательства должны быть при Невостребове. Но мы их искать не станем. Для того иные люди к порядку представлены.

Вскоре прибыли полицейские. Я скромно отошла в сторону, чтобы не мозолить блюстителям глаза, а ротмистр вместе с Семёном в красках описали всю ситуацию, представив меня в роли случайной свидетельницы.

Крепкий капитан, отвесив пару тумачков задёргавшемуся при обыске Неклюдову, действительно обнаружил при нём пачку банкнот, перетянутых бечёвкой, а также несколько серебряных украшений. В них владелец соседнего магазинчика сразу признал вещи убитой. После таких доказательств Кузьма сник и внезапно расплакался, униженно умоляя о пощаде. Мол, «бес попутал», и больше никогда ни в жизни подобного не сотворит.

На случай беса я на всякий случай проверила его. Ничего потустороннего. Простая алчная гнида, готовая убить близкого человека ради тощей пачки купюр и нескольких сереб-

ряных побрякушек.

— Вот и всё... — выдохнул ротмистр, как только карета с заключённым уехала. — Вроде и радоваться должен торжеству правосудия, а внутри препоганейшее чувство. Мы тут с вами всё: «бесы, бесы», но нет предела человеческой мерзости. Именно она погубит род людской, а не дьявольские козни.

— Согласна. — также печально ответила я. — Вы, Юрий Александрович, куда сейчас?

— На доклад к Победоносцеву. Думаю, господину обер-прокурору стоит знать не только о нашем вчерашнем деле, но и о сегодняшнем.

— Так нам по пути. Подбросите нас с Митей до дома?

— С Митей? — удивился Саблин.

— Конечно. Не оставлять же его одного? Пусть у меня под присмотром пока побудет.

— Ирина Петровна! — с теплотой в голосе произнёс ротмистр. — Вы барышня небывалой душевной чуткости. Глядя на вас, я снова начинаю верить в человечество! Прошу в карету! Доставлю сей ценный груз с ветерком!

— И под надёжной охраной, чтобы никто по пути украсть не смог, — добавил Семён, с улыбкой накручивая свой рыжий ус.

Глава 17

Увидев, с каким гостем я заявилась домой, Анфиса немного растерялась. Но потомственная служанка, видимо, привыкла к различным неожиданностям. Да и всякую размазню господин Победоносцев вряд ли бы взял на работу. Так что Митя был накормлен, напоен и даже слегка к делу пристроен.

Но всё равно безумно трудно с непривычки находиться с таким человеком в одной квартире. Мите было интересно всё. Он залезал в шкафы, трогал мои вещи. На кухне умудрился разбить декоративную тарелку, до этого момента спокойно висевшую на стене. И таких мелочей за остаток дня накопилось немало.

Вечером к нам зашёл Юрий Александрович.

— Как ваш новый жилец? — поинтересовался он.

— Ох, — начала признаваться я. — Сердце кровью обливается, глядя на Митю. Особенно когда про маму спрашивает. Но в остальном... Митя словно ребёнок. Но ребёнка можно остановить, если шалость задумал, а вот взрослого мужика с мозгами младенца — намного сложнее.

Необходимо поговорить с Победоносцевым и пристроить Митю. На улицу его никак нельзя выгонять — долго не протянет на ней. Лавки лишится моментально. Да и мозгов торговать в ней не хватит. С голоду пойдёт воровать еду... Вер-

нее, не совсем воровать. Митя просто плохо различает понятия «своё-чужое», но для других подобное покажется воровством. Так что незавидная судьба у больного сына Агафьи.

— Я тоже подумал, что Мите не место в вашей квартире, — согласился Саблин. — Но к Победоносцеву с просьбой о помощи ходить не надо. Я немедля заберу вашего приёмыша. Сегодня он переночует в моей квартире. Среди мужчин, так сказать. Ну а завтра отправлю его в наше родовое поместье под Вырицей. Жизнь там тихая, спокойная. Народу мало. Так что пристроим Митю к примитивным делам. Да и присмотр с уходом за ним будет. Не возражаете, Ирина Петровна?

— Ещё как не возражаю! — облегчённо выдохнула я, а следом за мной и Агафья. — Вы мой спаситель!

— И мой тоже... — добавила служанка. — Извините, Юрий Александрович. Невольно вырвалось.

— Получается, сегодня я одновременно спас двух прекрасных дам от одного непосредственного дракона! — рассмеялся ротмистр.

— Дракончика, — с улыбкой добавила я. — Но в целом верно.

— Митя фасоль перебрал, — неожиданно зашёл в комнату наш «дракон». — Красненькие в баночку. Беленькие в тарелочку. Митя хороший и хочет гулять.

— Какую фасоль? — не поняла я.

— Да это я специально два сорта вместе смешала и попро-

сила Митяя перебрать, — призналась Агафья. — Больше не знала, чем его занять. Думала, дольше провозится. Грешно такое говорить, но мне одновременно и жаль сироту неразумного, и пришибить уже чем-нибудь его хочется.

— Мне тоже. Плохие из нас «няньки» вышли.

— Ирина Петровна, — с добродушным укором, проговорил ротмистр. — Ну не наговаривайте на себя и Анфису. Няньки хорошие, с сердцами добрыми. Но в каждом деле опыт нужен. Тем более в таком, скажем так, специфическом.

— Спасибо за поддержку, — поблагодарила я.

— Не за что. Митя, собирайся. Гулять поедем.

— Даже чаю не попьёте?

— Спасибо, Ирина Петровна, но ещё забот на сегодня хватает. Так что пока рано мне чаёвничать. И я к вам не только за Митей заходил. Завтра вместе идём на доклад к Константину Петровичу.

— И меня Победоносцев вызывает? — удивилась я.

— Да. Дело у нас щекотливое намечается. Да и... Подготовка к нему подстать.

— Заинтриговали.

— Я сам заинтригован не меньше вашего. Лишь одни странные намёки выдал Константин Петрович. Без какой-либо конкретики.

— Митя надел тулупчик и сапожки, — вошёл в комнату наш найдёныш. — Митя гулять идёт.

— И я, пожалуй, пойду, — склонив голову и поцеловав

мне руку, произнёс Юрий Александрович. — Честь имею.

— И ничего-то господин Саблин теперь и нестрашный, — призналась Анфиса, как только мы остались вдвоём. — Как ни придёт, то помощь от него или приятности всякие.

— Как-то так и есть, — согласилась я. — Извини, что взвалила на тебя Митю.

— А куда ж его, болезного, ещё девать-то было? Грех большой страждущим людям в помощи отказывать. Но... Всё равно тарелочку жалко. Красивая была.

— Купим лучше прежней, — пообещала я. — Что у нас сегодня на ужин?

— Курочка отварная и бульон к ней. Овощи запечённые. Чай с пирогом. Будет всё готово минут через тридцать. Извините, Ирина Петровна, с Митей завозилась и...

— Даже не думай извиняться. И я, пожалуй, тебе помогу. А то и так почти каждый день с работы позже уходишь.

— Мне за то доплачивают, — призналась служанка. — Да и интересно с вами. Вроде вы и такая, как все, а вроде и нет...

— И насколько я чудная?

— Нет, — возразила Анфиса. — Чудной, то Митя. А вы необычная. И словечки странные иногда вставляете. Зашквар, кайфуша, краш... Никогда таких не слыхала. Да и наши частенько переиначиваете.

— Это как?- заинтересовалась я.

— Ну... Вы залу называете «залом». Словно она мужского роду.

— А какой же ещё? У нас в ... Тамбовской губернии только так и говорят.

— А у нас больше женского. Хотя и среднего тоже встречается. Правда, Ирина Петровна, — призналась девушка, — я не сильна в этих вопросах, так что могу легко ввести вас в заблуждение.

— Ты говори, Анфиса. Не стесняйся, если увидела или слышала ошибку. Я ведь из угла дремучего в столицу приехала, поэтому тоже многому учусь. Это не медведя голыми руками разорвать. Тут одной силы мало и без терпения не обойтись.

— Вы что? — явно удивилась Анфиса. — Видели, как медведем вот так да без оружия на охоте заламывали? Смелая вы, Ирина Петровна. Я б со страху померла или сбежала бы подальше.

— Вообще-то. Этого медведя лично оприходовала. Ещё в детстве. Ничего сложного, оказывается.

Восприняв слова хозяйки на полном серьёзе, служанка реально зависла, глядя на меня вытаращенными глазами.

— Расслабься! — рассмеялась я. — Медведь был... плюшевым! Игрушка! А мне, малолетней проказнице, очень захотелось узнать, что у него внутри.

Этот случай действительно имел место в моей прошлой жизни. Правда, пятилетняя Ира Куравлёва не разорвала медведя голыми руками, а аккуратно вскрыла ножницами, пытаясь добраться до той штучки, благодаря которой мишка

разговаривал. Но это уже частности, к девятнадцатому веку не относящиеся.

— Уф! — громко выдохнула Анфиса. — А я ведь почти поверила. С вашей службой и не в то поверишь. Но про игрушечного медведя даже в голову не пришло. Подловили вы меня, Ирина Петровна! Хороша шутка! А вы говорите: «*Домой иди*». Вон как с вами интересно. Тем более, чего тут идти? Дворик перебежала, в арочку свернула и уже пришла. Зимой одеваться дольше получается.

— И то верно, — с улыбкой согласилась я. — Но учти, Анфиса. Если тебе срочно нужно уйти, если дела какие важные, то смело у меня отпрашивайся.

— Так, то не только у вас отпроситься нужно, — пояснила служанка, явно намекая на своего истинного работодателя.

— Только у меня, — жёстко поставила я условие. — Мы с тобой прижились вроде. Так что в обиду не дам. Ну а бегать между двумя хозяевами — это глупость. Сказали за мной присматривать? Присматривай. Остальное секретарей господина Победоносцева не касается. Ты не рабыня, а свободная девушка, поэтому должна иметь время и на свои заботы. Даже на танцы совсем ходить перестала. Так своего Петю и упустишь. А девичий век короток! «Тикают часики»! Не... Пора отстаивать права! Завтра же обращаю внимание господина Победоносцева на твои проблемы.

— Спасибо, Ирина Петровна, — с улыбкой на своём милостивом личике благодарно поклонилась Анфиса. — Но не

стоит беспокоиться из-за меня, недостойной...

— Достойной, Анфисочка! Как там у классика? Я не тварь дрожащая и этого достойна!

— У Фёдора Михайловича Достоевского немного не так было, — неожиданно поправила меня служанка. — Я «Преступление и наказание» читывала. Уж больно жалостливая книга, мрачная. Там господин Раскольников вопрошал: *«Тварь ли я дрожащая или право имею?»*. Вот эти крамольные размышления его и погубили.

— Пофигу! Э-э-э-э... То есть, без разницы. Нас не погубят, потому что старушек по темечку топором бить не собираемся. Если только бесноватых. Но и за счёт нашей личной жизни никому выезжать не позволим. А вот книгу, пожалуй, мне перечитать тоже стоит... Как и многие другие. Теперь уже для себя, а не для училок... Педагогов.

— Как скажете, Ирина Петровна, — покорно согласилась Анфиса, явно находясь в сильном смущении от таких вольнодумных мыслей хозяйки.

Чувствуя, что начинаю «перегибать палку», оставила в покое бедную девушку. А то ведь обязательно отразит наш разговор в своих докладах, и посчитает меня Победоносцев неблагонадёжной революционеркой. Оно мне надо?

На следующий день вместе с прибывшим ротмистром мы отправились на встречу с обер-прокурором.

— Ирина Петровна, — после вежливых приветствий спросил меня Победоносцев, — как обживаетесь на новом ме-

сте? Нет ли в чём нужды?

— Спасибо, Константин Петрович, — благодарно кивнула я. — Всё хорошо. Кроме... Я хочу вас попросить за свою служанку Анфису. Бедная девушка света белого не видит. Одна работа у неё с утра до вечера. Причём без выходных

— И что? У служанки прекрасное жалованье. Не понимаю ваших претензий.

— Я привыкла немного к иным отношениям, поэтому не могу спокойно смотреть, как Анфиса тратит свою молодость исключительно на служение мне и... Вам, конечно. Подобное вызывает у меня душевный дискомфорт. А в нашем благородном, но очень сложном, я бы даже сказала — мистическом, деле он важен. Не находите?

— Допускаю, что это так, но пока не улавливаю ход ваших мыслей.

— Отдайте график работы и прочие личные вопросы связанными с Анфисой в моё полное распоряжение. Обещаю, что ни моя, ни её служба от этого не пострадает.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился Победоносцев. — Но учтите, Ирина Петровна, что вся ответственность ляжет на ваши плечи. Я безмерно вам благодарен за то, что так рьяно подходите к своим обязанностям, но и спросить строго могу, если что-то пойдёт не так по вашей вине.

— Разумеется. Я к этому готова.

— Прекрасно. Вопрос решён. Юрий Александрович, Ирина Петровна. Я счастлив, что вы настолько хорошо и

быстро смогли выстроить рабочие отношения. Два прекрасно раскрытых дела тому показатель. И пусть одно не совсем по нашему профилю, но выводы из него я тоже сделал. Не буду ходить вокруг да около и хочу предложить вам очень сложное задание.

Не уверен, что вы с ним справитесь также лихо. Допускаю, что потребуется много времени и серьёзное приложение сил, поэтому не жду быстрого результата. И ещё... В том статусе, котором вы сейчас находитесь, невозможно будет вести нормальное расследование. Прошу прощения у обоих за столь беспардонное предложение... Но...

Победоносцев сделал небольшую паузу, заставив нас с ротмистром напрячься.

— Но, — продолжил обер-прокурор, решив долго не мучить подчинённых неизвестностью, — как вы смотрите на то, чтобы временно стать, простите, помолвленной парой? Официально помолвленной?

От такого заявления я выпала в осадок. Судя по лицу Сабина, он тоже. Вот это поворот!

Глава 18

Победоносцев дал нам с Юрием Александровичем немного времени, чтобы прийти в себя. Как я в этот момент сдержалась, чтобы не произнести пару крепких словечек из «русского народного», до сих пор не понимаю. Судя по ротмистру, он тоже не сонеты Шекспира вспоминал.

— Выдержка и самообладание у обоих похвальные, — неожиданно улыбнулся обер-прокурор и сразу же посерьёзнел. — Я понимаю, насколько моё предложение беспардонно... Да чего ж там манерничать? Постыдное. Но для начала прошу вас услышать его подоплёку.

За последний год несколько очень известных семей потеряли своих детей. Не от хвори, ни по какой-либо случайности. Их находили в безлюдных частях усадеб полностью обескровленными. Всего шесть смертей. Кроме того, всем отрокам и девушкам было ровно по тринадцать лет.

— Раны тоже одинаковые? — поинтересовался Саблин, на время забыв о непристойном предложении.

— Именно так, Юрий Александрович. Небольшой аккуратный разрез в области сонной артерии. И более никакого насилия над телами. Что характерно, следов борьбы обнаружено не было. Жертвы лежали в аккуратной одежде без гримас боли на лицах. А некоторые даже улыбались.

— Странно. Получается, что никакого сопротивления не

оказывали. А ведь должны были. Тем более, не совсем не младенцы беспомощные.

— Если только убийца не поправлял на них одежду, — предположила я, вспомнив парочку похожих сериалов.

— Резонное замечание, Ирина Петровна, — кивнул Победоносцев. — Да вот только почти все убийства по зиме случились. А на снегу следы хорошо заметны, и опытному человеку не представляет труда прочитать их. Не было никакой борьбы. словно жертвы добровольно пошли с душегубом, безропотно легли и отдали свои жизни.

К тому же первый случай произошёл с дочерью и племянником графа Кудеярова одновременно. Убийца, без сомнения, был один, а вот детишек двое. Сложно допустить, чтобы ребёнок стоял и спокойно смотрел, как выкачивают кровь из другой жертвы. А судя по следам на снегу, именно так и было.

Кстати, это двойное убийство было первым. Уже тогда мы заинтересовались им. И буквально через три дня случилось второе. Дочь промышленника Семихвостова подверглась схожему нападению. Ещё через три дня барон Альтов лишился сына. Ещё через три дня вдова генерала Пахмутова потеряла дочь.

Тут уж мы во все колокола забили! Явно не простой человек орудует! Дело взял под личную опеку сам государь, посчитав его государственным. Он встретился с семьями убитых. Дабы не поднимать лишнюю панику и ненароком не

спугнуть убийцу, Его Величество настоятельно порекомендовал родственникам скрыть действительные причины смерти детей. И от своего имени обещал непременно найти и покарать душегуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.